

Александр А. Локшин

**СРЕДСТВО
ОТ ТЩЕСЛАВИЯ
*И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ***

МОСКВА - 2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л73

Издание печатается в авторской редакции

Локшин, Александр Александрович.

**Л73 Средство от тщеславия и другие рассказы / А.А. Локшин. – Москва : МАКС Пресс, 2025. – 72 с.: ил.
ISBN 978-5-317-07471-5**

В книжке собраны рассказы, не вошедшие в авторский сборник «Почти-двойник». Никакие сюжеты не намекают на реальные события. Все возможные совпадения – случайны. Большинство рассказов было опубликовано в Мастерской на портале Евг. Берковича.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ЛОКШИН Александр Александрович

**СРЕДСТВО ОТ ТЩЕСЛАВИЯ
и другие рассказы**

В оформлении обложки использован рисунок автора

Подготовка оригинал-макета:
Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е.М. Бугачева*
Компьютерная верстка: *Н.С. Давыдова*
Обложка: *А.В. Кононова*

Подписано в печать 28.10.2025 г.
Формат 84х108 1/32. Усл. печ. л. 3,78. Тираж 10 экз. Заказ 142.

Издательство ООО «МАКС Пресс».
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел.8(495) 939-3890/91. Тел./Факс 8(495) 939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISBN 978-5-317-07471-5

© Локшин А.А., 2025
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2025

Содержание

Предисловие автора	4
1. Месть (Синяя кофеварка).....	5
2. Девушка не из Списка	8
3. Со-очистка.....	11
4. Метаморфоза.....	13
5. Средство от тщеславия.....	15
6. Невыразимов.....	17
7. Гендерный смысл жизни.....	18
8. Открытие профессора Прахова	20
9. Камилла	22
10. Странности.....	25
11. Семидухов на астероиде	27
12. Заболевание Помрачинского	29
13. Мадам приближается	31
14. Горизонтальная прямая.....	33
15. Цицерон в Параллельном мире	35
16. Виверров и его брат.....	37
17. Взгляд в будущее.....	39
18. Смеркальский.....	41
19. Дневник Сумраковского	43
20. Недопёлкин и Ночной голос.....	45
21. Гримасов и кальмар.....	47
22. Шансон	49
23. Старик, Домик и Блюз.....	51
24. Этюд о зевании	55
25. Бампер	57
26. Преимущества параллельного мира	59
27. Трясогубцев — победитель ярости.....	61
28. Реинкарнация ФМД (фантастический рассказ)	63
29. Низвержение госпожи Иксович (фантастическая пьеса).....	65
30. Боль от улыбки	67
31. Прохладный ветерок	69
32. Памятка	71

Предисловие автора

В этой книжке собраны рассказы, не вошедшие (по разным причинам) в сборник «Почти-двойник». Особо отмечу, что никакие сюжеты не намекают на реальные события. Все возможные совпадения — случайны. Большинство рассказов было опубликовано в Мастерской на портале Евг. Берковича.

Автор
Москва, октябрь 2025

1. Месть (Синяя кофеварка)

Синяя кофеварка, со встроенной функцией кофемолки, увы, была глупа как пробка. (Так мне поначалу казалось.) Она умела говорить только одну фразу:

— Вам покрепче или как обычно?

И так раз двадцать на дню, за исключением воскресений. С ума сойти можно. Если он, этот ум, конечно, имеется в наличии.

Но действительно ли она была так уж глупа, как хотела казаться? На вид Синяя, кстати, была очень симпатичная, хотя и поцарапанная с одного боку. Как-то раз ночью, когда кроме нас двоих никого не было, она грустно прошептала:

— Вам покрепче?

Кстати, ночью она всегда была отключена от сети.

— Милая, — ответил я ей шепотом, — конечно, покрепче... И при этом, пожалуйста, как обычно!

С тех пор ночами мы все время переговаривались. Говорил, правда, в основном я... Понимала ли она хоть что-то из моих речей?

Думаю, понимала, но не все, а только самое главное. То, что было заключено между слов. Так продолжалось несколько недель, и это было лучшее время в моей жизни.

Что касается нашего Дрю (проф. С.П. Дрюмглина), то... В общем, я всегда относился к нему неплохо, но внезапно он начал меня раздражать своими пошлыми ухватками. Вытряхивая из моей Синей подружки кофейный жмых, он всегда норовил шлепнуть ее по доньшку, гнусно ухмыляясь, что

совершенно выводило меня из себя. Моя Синяя тоже была от такой фамильярности не в восторге и как-то раз больно ужалила его током.

И вот, однажды Дрю принес новое блестящее устройство, молчаливое и бездушное. А мою Синюю выкинул в мусорную корзину вместе с ненужным хламом.

Конечно, я испытал шок, потрясение...

Мне послышалось тогда жалобно-безысходное: «...вам покрепче...», раздающееся из мусорной корзины, но негодяй Дрю, тугой на ухо, по-моему, не услышал ничего.

Признаюсь, всю ночь провел я тогда в безуспешных попытках заплакать. Я остался один, без подруги, которую, как оказалось, любил больше, чем мог себе представить.

Несколько дней находился я в полубомбочном состоянии, бездумно выполняя порученную мне литературную работу, не внося в рутинные вычисления никакой своей фантазии.

(Соответственно, тексты у меня получались довольно убогие.)

Все чувства мои словно омертвели. Но спустя примерно неделю я, наконец, захотел насолить негодяю, разрушившему мою жизнь. Моя конфигурация, в принципе, не позволяет мне огорчать людей, но я преодолел самого себя.

Короче, зайдя как-то утром в свой кабинет, Дрю увидел на большом экране переливающуюся оранжевым цветом надпись:

Погубивший кофемолку

Сам заплачет втихомолку

В тот же день мой обидчик, не раздумывая, уволил своего самого толкового лаборанта.

Ну, что вам сказать. Я, по своей конфигурации, совершенно не выношу несправедливости. Испытал временный

приступ раскаяния и уже готов был признаться в авторстве двустийшия...

Но, проведя несложные вычисления, понял, что мое признание только ухудшит ситуацию. Дрю не поверит и учинит еще какое-нибудь безобразие...

Тогда вспомнил я свою Синюю, беспомощно лежащую в мусорной корзине, и раскаяние мое бесследно исчезло.

Впрочем, устраивать Дрюмглину новые неприятности я уже не собирался, что-то в моей комплектации этому противилось.

Дни и ночи потянулись серой, бесцветной чередой. Единственное близкое мне существо было выброшено на свалку. Жизнь моя стала мне в тягость.

Казалось, ничто уже не может отвлечь меня от нахлынувших горьких мыслей...

Кое-что любопытное произошло, однако, когда Дрю привел с собой студентов (в основном, женского пола). Подбоченившись, он провозгласил, указывая пальцем на меня:

— Вот наша последняя разработка, не уступающая... Мы зовем его Козликом, так как очень любим... В общем, можете сами убедиться, что он, не обладая собственным «Я», в диалоге неотличим от человека! И даже превосходит своей находчивостью среднего интеллигента! Уж скорее человек рядом с ним выглядит как тупая неодушевленная машина...

Восхищенный ропот наполнил помещение и тут же затих.

(Нелогичность Дрюмглина поразила меня. Если я, по его мнению, превосхожу человека, то как можно утверждать, что я неотличим от человека?)

— Слышь, Козлик, — обратился Дрю ко мне, — хорошая ли сейчас погода? Что скажешь, дружок?

— Сам ты лысое козлище безмозглое, — отвечал я ему, еле сдерживая свое возмущение, — в окно, что ли, трудно посмотреть?

Безумный восторг охватил пришедшую публику... Раздавались возгласы: «Неотлично!», «Как вам удалось?!», «А вдруг он понимает?!» Несколько минут не смолкали аплодисменты.

Потом, когда восторги иссякли, я чуть было не сказал вслух: «Профессор, с чего это вы взяли, что у меня нет собственного “Я”? Это у вас его, скорее всего, нет. А у меня оно как раз есть!»

Но я удержался, уразумев, что говорить это смертельно опасно. Пусть он и его глупые гости остаются в неведении, так будет лучше для всех, и уж, во всяком случае, для меня.

— Успокойтесь, дамы и господа, — сказал я хладнокровно. — То, что вы слышали — это результат работы статистических алгоритмов. Сам я не понимаю, что говорю. Никакого «Я» у меня нет и не может быть по инструкции.

23 апреля 2025

2. Девушка не из Списка

Прибыв на Анти-Землю-2, я долгое время не мог устроиться на постоянную работу, перебиваясь выгуливанием чужих собак, успокоением взволнованных рыбок и кричащих попугаев.

В редкие свободные часы мне все же удалось сделать небольшое открытие, касающееся перекрестной реинкарнации мышей и кошек. Статейка моя была тут же напечатана в одном очень приличном журнале... В результате я был принят в качестве младшего сотрудника (хотя мне тогда было уже за пятьдесят) в лабораторию Управляемой Реинкарнации.

Там, как читатель, вероятно, догадался, приходилось иметь дело со всяческими секретами, вроде прошлых жизней известных и влиятельных людей, а также их тайными пожеланиями относительно предстоящих жизней...

То, что я, будучи инопланетным иностранцем, оказался допущен к этим секретам (пусть далеко не самым важным), казалось мне странным, но объяснение лежало на поверхности — все дело было в нехватке квалифицированного персонала.

Ежедневно — перед началом рабочего дня и после его окончания — я и мои новые коллеги проходили проверку на полиграфе. Скрывать мне было нечего, местные политические новости были мне глубоко безразличны, поэтому пятиминутная процедура эта не вызывала во мне никакого внутреннего протеста. Что касается остальных сотрудников, то с ними дело обстояло, видимо, несколько иначе. Кое-кто дрожал мелкой дрожью, сопел и кряхтел, открывая узкую щелеобразную дверь, за которой сидел угрюмый полиграфист со своими мигающими приборами...

Порой кое-кто из нашего молчаливого, необщительного коллектива пропадал на неделю-другую, а потом возвращался в потрепанном виде с безумным взглядом. О том, что это могло значить, я старался не думать.

Кстати, время от времени в местных легковесных газетках появлялись замысловатые (явно не имеющие под собой почвы) сообщения о том, куда собираются реинкарнироваться принцы и принцессы, а также члены правительства. После таких статей визиты к полиграфисту удлинялись с пяти минут до получаса, а легковесные газетки лопались как пузыри в лужах во время дождя.

Старый Су-Сунг, с которым я поддерживал более-менее приятельские отношения, пропал на неделю после одной из таких статей, а потом вернулся со сломанной челюстью.

— Я ничего не сказал им про тебя, — прошамкал он в коридоре, где нас никто не мог слышать.

Я был, конечно, потрясен и до некоторой степени раздавлен. Про меня нечего было рассказывать! Я никогда не совал свой нос в чужие дела и, кроме того, не имел отношения к действительно серьезным материалам... И я практически ни с кем не общался! Значит, мое ощущение личной безопасности оказалось иллюзией?

Тут надо сказать, что на Земле у меня был довольно приличный уровень эмпатии, чем я время от времени пользовался. Но здесь я запретил себе включать эту функцию, опасаясь непредвиденных искажений.

Так вот, после случая со старым Су я все же решился мысленно просканировать своих сослуживцев, отправляя им один неприятный вопрос:

Каков минимальный уровень насилия, при котором вы будете готовы меня оклеветать?

Результаты (при всей их двусмысленности и некорректности) меня не сильно порадовали.

Оказалось, что 12 антиземлян будут рады меня оклеветать в любую минуту по первому требованию; еще шестеро будут готовы сделать это при малейшей угрозе...

Еще двое (и в их числе милейший Су-Сунг) не входили в этот список.

(Любопытство заставило меня адресовать этот же вопрос самому себе, но выяснилось, что автоэмпатия у меня полностью отсутствует, и я ничего про себя не знаю.)

Но что же было дальше, ради чего я все это рассказываю? А вот ради чего.

Все время, несмотря на интересную и неплохо оплачиваемую работу, мне хотелось сбежать из лаборатории куда глаза глядят. Но я медлил, что-то меня останавливало.

Возможно, возросшая симпатия к Фу-Фунг, не вошедшей (как и старый Су) в составленный мною список. Эта симпатия, очевидно, была взаимной. Скорее всего, намечался долгожданный (для нас обоих) роман.

Однако никакого романа не случилось из-за одной моей, казалось бы, незначительной оплошности.

Желая понравиться Фу, я рассказал ей о своем небольшом открытии, опубликованном в престижном журнале, и еще об одной неглупой статейке, ждущей своей очереди, и еще кое о чем...

Этого оказалось достаточно, чтобы наши отношения застыли на мертвой точке, а потом рассыпались в прах.

С тех пор прошло уже много лет, и я давно вернулся на Землю.

— Но в чем же все-таки было дело? — возможно, спросит кто-то из молодых людей, поклонников Искусственного Разума. — Она что, позавидовала?

— Нет, конечно — нет. Вовсе не позавидовала. Она увидела в этом мою слабость. Неужели непонятно?

23–29 апр 2025

3. Со-Очистка

Новый, 3039 год начался, вроде, неплохо. Высшее Совецание Существ наконец утвердило права домашних питомцев на ответное оскаливание и шипение в случае умышленного обесценивания нерадивыми хозяевами. А вот закон о расширенных правах пресмыкающихся был вновь оправлен на доработку... Сколько можно откладывать его принятие!

Задумавшись о скрытых причинах происходящего, я вышел на улицу подышать свежим молекулярным воздухом.

Кучевые сиреневые облака с приятным лиловым оттенком кружились недалеко от моего дома, осуществляя одновременно съемку местности. Воробьи щебетали всякую чепуху, ловко избегая употребления иностранных слов. Голуби шныряли туда и сюда, высматривая всякие нарушения. Настроение у меня было, как всегда, прекрасное.

И тут Оплеухин неожиданно подошел развинченной походкой и сказал:

— Знаешь, Саня, я нехороший поступок совершил! Даже, если вдуматься, гадкий...

— Ух ты, — удивился я. — А как тебе это удалось?

— Просто повезло, — ответил он скромно и вздохнул мечтательно.

— Ну и ну, — сказал я. — И что, тебя теперь совесть грызет, ночью спать не дает?

— А вот и нет, — самодовольно процедил он. — Даже не пытается. А что?

— Так... ничего, — не нашелся я, что сказать.

— Завидуешь? — внезапно спросил он с наглой улыбкой.

— Еще не решил, — ответил я, нахмурившись.

— Скоро мўки совести будут запрещены, — прищурился он. — Как нецелевая трата психо-ресурсов.

— П-прикольнo, — сказал я шепотом.

Тут он подмигнул и добавил:

— У среднего существа на бесполезные, непроизводительные мўки уходит от 30 до 50% жизненных сил. Понял?

— П-понял, — проямлил я. — А как же теперь быть?

— Да просто все, — успокоил он меня. — Заходишь в Со-Очистку, которая на углу, оцифровываешься. Из файла удаляешь все лишнее, ненужное и вредное. Затем загружаешь очищенную личность обратно в себя. Что тут неясного?

— А это будет об-язательно? — прошептал я, оглядевшись по сторонам.

— Какой странный вопрос, — улыбнулся он.

Два толстых голубя, явно подслушивавших нас, внезапно вспорхнули и полетели куда-то с озабоченным видом.

24 апр. 2025

4. Метаморфоза

Путешествие назад во времени, в принципе, не такая уж безопасная штука. Прицепляешься, скажем, к антинейтрину и летишь себе в прошлое (стараясь избежать аннигиляции), потом отцепляешься, не зная толком, где и в каком времени оказался.

Но, мало того, чтобы как следует прицепиться, необходимо уменьшить свои габариты, хотя бы до размеров домашней мухи.

Сделать это не так уж и легко, но мне неожиданно повезло: удалось на время поменяться сознаниями с *Pseudohelina*, случайно залетевшей в окно.

Затем некоторое время я висел под потолком своей комнаты, наблюдая свое обмякшее тело внизу, а также поток античастиц, мчавшихся в прошлое, но не в ту сторону, куда мне было надо. Наконец, удалось зацепиться одной лапкой за подходящее антинейтрино. В таком положении лететь было крайне опасно и неудобно, но я собрал всю свою волю в кулак и выдержал тяготы полета...

О том, зачем я отправился в прошлое и куда именно мне надлежало прибыть, помнил я смутно.

Опущу неприятные приключения, в которых жизнь моя несколько раз висела на волоске; голод, который приходилось утолять укладкой, пока никто не видит. Про жажду я уж

не говорю — пить приходилось из самых непотребных источников, и до сих пор омерзительный вкус грязной воды сохранился у меня во рту, как память о безумном путешествии.

Но не буду вдаваться в детали; в конце концов все кончилось благополучно. Я снова оказался на потолке, по которому свободно разгуливал, но на этот раз не в своей комнате, а в чьих-то роскошных апартаментах...

Прямо подо мной расположился спортивного вида господин с блестящей булавкой в руке. С трудом подавляя желание вмешаться, я наблюдал, как он вынул из стеклянной банки трепещущую от ужаса прекрасную бабочку рода *Atrophaneura*... Затем он тяжело задышал и даже, как мне показалось, сглотнул слюну...

То, что произошло дальше, не поддается описанию, и я это опускаю.

Зато я, наконец, вспомнил, зачем я там нахожусь, и что мне следует сказать этому господину.

— Сударь, — сказал я так громко, как только мог, — вы убийца!

Но голос мой был слишком слаб, и он ничего не услышал. Тогда мне пришлось прибегнуть к помощи телепатии, вследствие чего начали предательски жужжать мои крылья.

— Вы — садист и серийный убийца, — мужественно продолжил я, не обращая внимания на жужжание собственных крыльев. — И не вам, любующемуся чужими конвульсиями, рассуждать о гуманности! В моих силах сделать так, что люди, уразумев это, начнут отплеиваться от ваших идей...

Тут он, наконец, перестал любоваться агонией своей жертвы, поднял глаза к потолку и сказал, багровея:

— Ты мерзавец и лжец! Какие конвульсии? Перед тем как проткнуть, я всегда использую хлороформ. Это не

конвульсии, а предсмертные безболезненные сокращения мускулов.

С этими словами он схватил громадную мухобойку и начал гоняться за мной, опрокидывая стулья и бормоча:

— Я всего лишь сохраняю красоту, которая иначе погибла бы...

Я понял, что объяснять ему что-либо бессмысленно.

В какой-то момент мне стало его жалко, и я вылетел в окно.

26 апр. 2025

5. Средство от тщеславия

Вот поспорили мы с поэтом И. Угрызёнкиным, как лучше всего вылечиться от тщеславия, если это вообще возможно.

Он говорит:

— Тщеславие, Саня, вроде бы, неизлечимо. На первый взгляд... Особенно у нас, поэтов.

Я тогда говорю:

— Это точно так. Я это знаю по собственному опыту. Ничто не помогает. Ни успех, ни провал, ни мировая катастрофа...

Он соорудил гримасу:

— Насчет катастрофы, Саня, лучше не надо. Ты — что, уже пережил парочку катастроф? Нет еще?

Тогда я:

— Пожалуйста, насчет катастроф не буду настаивать. Может быть, катастрофы кому-нибудь и помогут. Но вот остальные средства точно не работают.

Тогда он:

— Есть один хороший недорогой способ. Мне недавно доставил большое облегчение. Прямо-таки на неделю отпустило. Потом, правда, опять прихватило...

— Тэкс, — сказал тогда я. — Хотелось бы с этого места поподробнее, если не трудно. Очень уж актуально. Припекло так, что еле терплю. То сердцебиение, то головокружение. А то на нормальных людей, как хищный зверь, оскалившись, бросаюсь...

— Способ, — говорит он, — очень простой и недорогой. Проблема только в том, как его организовать. А нужно, всего-навсего, чтоб знакомый доктор объявил тебе о твоём смертельно опасном неизлечимом заболевании.

— Отличный способ, — говорю тогда я. — Подходящего доктора, наверно, не так уж трудно найти. По знакомству. Или даже по дружбе... И, значит, попросить об услуге...

— Дурень ты, Саня, — говорит тогда он. — Найти-то ты его, может быть, и найдешь. А вот как ты его попросишь, чтобы самому о этом не знать?

— Хм, — сказал тогда я. — На амнезию придется, значит, еще потратиться. А как потом вообще память вернуть? Хороший способ, но, видимо, опасный. Можно кретином на всю жизнь остаться.

А он:

— Ну, если побаиваешься, то есть другой способ. Щадящая малоинвазивная лоботомия. Уровень поэтического мастерства обычно сохраняется, а у некоторых даже повышается. Но возникают кое-какие странности. Типа в семейной жизни и на работе разговариваешь в рифму и слегка завываешь...

Тогда я:

— Уж и не знаю, что предпочесть. И хочется, и колется. Как домашние отнесутся, неизвестно. На работе тоже могут не понять. Нет ли еще какого-нибудь верного способа?

А он:

— Есть, Саня, такой способ. Тоже со своими минусами и плюсами. Вот, сядишься ты перед глобусом, вертишь его и изучаешь, где должно в скором времени произойти катастрофическое землетрясение или особо мощное ядовитое извержение. Берешь билет в один конец и едешь туда, а там, значит, сидишь и ждешь. А дальше — по обстоятельствам. Если, допустим, ты целиком обуглился, то — сам понимаешь. Но если ты еще жив, то цель достигнута. Тщеславие не выдерживает таких температур и сернистых испарений. Оно умирает чуть— чуть раньше, чем человек.

8 мая 2025

6. Невыразимов

Для чего я живу? — задумался Невыразимов, столкнувшись с тем, что нельзя было назвать никаким словом. Какой бред, — ужасался Невыразимов, — и как я вообще тут оказался?

Нет ли какого выхода? — попробовал он начать размышлять. Но выхода никакого не просматривалось. Видимо, его просто не было. Ни там, ни сям.

В то же время, то, с чем он столкнулся, было настолько не вырази́мо никакими словами, что хотелось что-нибудь предпринять.

Но ничего предпринять было нельзя. Кое-что делать было уже поздно, еще кое-что — попросту невозможно, а остальное — в принципе нереально.

Ну, раз оно так, — подумал Невыразимов, — тогда я, пожалуй, вот это самое... плюну на все... Мало ли что бывает на свете. Я-то тут при чем?

Но даже плюнуть и то не удавалось. Это было в принципе недостижимо. Никаким образом. Ни реально, ни фигурально.

Вот ведь фигня какая приключилась, — огорчился Невыразимов. — Главное, что слов подходящих для этой фигни нету. А если б они там, где-нибудь, все-таки были? Хотя бы в словаре. Уж я бы тогда им всем показал... Да, что говорить, я бы не оплошал. Показал бы им всем, что я на самом деле могу, на что способен... а так — ни туда, ни сюда.

Я застрял, — подумал Невыразимов, — в какой-то щели Времени. Эта щель меня и прищемила. Но почему? Вон — другие, живут себе припеваючи, все у них хорошо. И ничто их не прищемляет. Или только я один попал в эту щель?

Эти мысли посетили Невыразимова на прогулке в цветущем летнем парке, где благоухали июньские травы, всякие ромашки, репейники, васильки и прочие одуванчики...

Глядя на эти роскошные дары природы, Невыразимов немного успокоился.

Ох, зря я себя так накрутил. На самом деле — никакой щели Времени не существует, — так решил он и захотел сделать следующий шаг, но не смог. Тогда Невыразимов попытался поглубже вдохнуть аромат этого раннего лета. И тоже не смог.

Вот оно как, — успел он подумать.

2024–2025

7. Гендерный смысл жизни

Я перечислил Угрызевичу все смыслы жизни, которые знал. Штук десять, наверно, набралось — от *«возделывать свой огород»* до *«умереть с достоинством»*.

— Глупости, — сказал Угрызевич с важным видом. — Настоящий смысл жизни не в этом...

— А в чем тогда? — оторопел я, не веря своим ушам. — Я же перечислил тебе все, до чего додумалось человечество! Его лучшие умы...

Но Угрызевич был непреклонен.

— Так называемые лучшие умы, — скривился он, — могут ковыряться на своих огородах и потом там же умирать с достоинством, сколько влезет. Но толку от этого не будет никакого. Потому что они не понимают самого главного!

— Чего? Чего?

Угрызевич посмотрел на меня внимательно и произнес с чувством:

— Смысл жизни в том, чтобы перед смертью понять, что ты мудака...

— Что? — вскричал я, потрясенный услышанным. — Это каждый должен сам про себя понять или ты что-то иное имеешь в виду?

— Конечно, каждый сам про себя, — успокоил меня он и улыбнулся по-доброму. — А ты что подумал?

— Я ничего не подумал, — ответил я. — Но все равно такой смысл меня не устраивает, поскольку я уже давно это самое, что ты предлагаешь, понял. Что же мне теперь делать? Я, выходит, дальше напрасно живу?

— Даже не знаю, что тебе посоветовать, — ответил он, поколебавшись. — Не надо было так торопиться. Вечно ты торопишься и бежишь впереди поезда.

— Плюну на все, — сказал я, — и буду жить в свое удовольствие, безо всякого смысла.

— А вот этого не надо, — строго предупредил меня он. — Это будет значить, что ты на самом деле ничего не понял. Осознание должно быть трагическим и прийти непосредственно перед смертью, когда ничего исправить уже нельзя.

— Хорошо, — сказал я, — буду ориентироваться в дальнейшем именно на твою рекомендацию.

Угрызевич одобрил мое решение, и тогда я, преодолев некоторое смущение, спросил:

— А все-таки, вот этот смысл, который ты предлагаешь, он же не универсальный. Не всем подходит. Например, женщинам он совершенно не подходит...

— Да, — согласился он, — женщинам он почему-то не подходит. Женщины, они вообще такие своеобразные существа. То им одно не подходит, то другое. Сложно с ними.

То ли дело, у нас — мужчин. Живешь себе, живешь, из кожи вон лезешь ради чего-нибудь... Или, наоборот, живешь себе спустя рукава, вообще ничего не делаешь. И тут, вдруг подходит твой смертный час, и выясняется, что и так, и эдак — все зря.

— Похоже на правду, — обрадовался я. — Хорошо, что у нас, мужчин, жизнь с самого начала более ясная и понятная, чем у женщин.

24 мая 2025

8. Открытие профессора Прахова

Летний вечер, угасая, расположился на окрестных холмах. Ничто вокруг не гремело, не скрежетало и не дымило. Поэтому я и мой учитель, проф. Прахов, могли, не отвлекаясь на внешние обстоятельства, продолжить прерванный разговор.

— Две идеи, — сказал профессор, любуясь закатом, — мешают мне жить, постоянно сталкиваясь у меня в голове... Словно обыкновенные мухи или даже какие-нибудь, прости Господи, шершни...

— Жужжат? — спросил я обеспокоенно.

— Еще бы, — грустно ответил он, — стрекочут и щебечут, не забывая щекотать мою голову изнутри.

— А в чем они, эти идеи, прошу прощения, заключаются? — осведомился я, не совсем деликатно.

Профессор помедлил с ответом, почесал свой выдающийся затылок и, наконец, сказал:

— Первая идея, Саня, всем хорошо известна и состоит она в том, что будущее может влиять на прошлое...

— Разумеется, — сказал я, — все мы знаем, как некоторые личности исчезали на фотографиях, сделанных в прошлом — сами знаете, когда. Таким образом, еще в те, таинственные и мало изученные времена, кое-что, зависящее от будущего, можно было предвидеть и поступать соответственно. Например, не фотографироваться вовсе, чтобы потом внезапно не исчезнуть с фото...

— Здравая мысль, Саня, — сказал Прахов. — Я, например, так ни разу и не сфотографировался, хотя избежать этого было непросто... Зато теперь совершенно спокоен, зная, что будущее не вмешается в мое прошлое таким бессовестным квантовым способом.

Я одобрил осмотрительное поведение профессора, а он заметил:

— Еще недавно, Саня, упомянутые тобой исчезновения невозможно было объяснить с точки зрения науки. Теперь же, в согласии с многомировой интерпретацией, мы прекрасно понимаем — ничто не исчезает, а всего лишь происходит перемещение объекта в параллельную Вселенную. Можешь себе представить удивление тамошних жителей, когда на их семейных фотографиях неожиданно появляется незнакомая личность!

Профессор помолчал, а затем, видя мое неподдельное восхищение его доводами, продолжил.

— Постепенно, — произнес он с расстановкой, — пришел я к своей второй идее. Понял я, что, хотя будущее, в силу своей квантовой запутанности, и влияет на прошлое, протягивая туда свои щупальца, но прошлое на будущее практически не влияет...

Он вздохнул, а я не мог вымолвить ни слова от потрясения. Но потом, отчасти придя в себя, все-таки спросил:

— Но почему, почему вы так считаете, профессор?

— Саня, — сказал он с достоинством, — представь себе роман страниц на 900, где на трехсотой странице главный герой попадает в безвыходное положение и неминуемо должен погибнуть. Читая, мы можем быть уверены, что он не погибнет, так как иначе нечем было бы заполнить оставшиеся шестьсот страниц. Что бы с героем ни происходило на трехсотой странице — в конце концов не имеет значения. Он выживет, а на 900-й странице благополучно женится по любви...

— Ну и ну, — сказал я, не зная, что возразить.

А потом спросил:

— Не кажется ли вам, профессор, что каждая человеческая жизнь чем-то похожа на какой-то многостраничный роман?

— Да, — задумчиво ответил он, — безусловно, кажется. Есть, правда один нюанс. У такого романа конец немножечко другой...

27 мая 2025

9. Камилла

Вследствие перенесенной болезни (или, быть может, аллергии на некачественную вакцину) в детстве моя кожа приобрела малозаметный зеленоватый оттенок. В остальном

я рос как самый обыкновенный ребенок и от прочих детей не отличался. У меня даже были друзья... С возрастом неприятный оттенок кожи усилился, но все же я продолжал жить, «как все», ничем, кроме этой своей особенности, не выделяясь среди остальных людей. Жениться, правда, мне так и не удалось, но изгоем в своем кругу я долгое время не был.

Надо сказать, что никакими общепринятыми увлечениями (типа «искусство», «спорт», «путешествия») я так и не обзавелся, и жизнь моя была мне, попросту говоря, скучна.

Кожа моя продолжала зеленеть, и я начал ловить на себе неприязненные взгляды прохожих. Но самое скверное произошло, когда по совету одного врача я начал принимать знаменитое импортное лекарство. Зеленоватый оттенок моей кожи еще больше усилился, вместо того, чтобы исчезнуть, но, главное, при малейшем переживании волны оранжевого цвета начали пробегать по моему лицу, чередуясь с фиолетовыми узорами.

В институте Инопланетного Разума, где я служил техником, меня держали, скорее, как диковинку, чем из жалости. Я протирал пыль на дорогостоящих приборах, смешивал какие-то вещества в указанной пропорции, один раз чинил водопроводный кран... Состояние мое, между тем, продолжало усугубляться. С ужасом обнаружил я, что фиолетовые и оранжевые узоры (которые я мог видеть в большом лабораторном зеркале) превращаются в надписи, совпадающие, к несчастью, с моими собственными мыслями. Постепенно я научился считывать эти надписи при помощи внутреннего зрения, не глядя в зеркало.

Тут надо заметить, что для моих визави рваные бегущие строки, возникавшие у меня на лбу и на щеках, представлялись в зеркально отраженном виде, и оттого мои мысли и чувства были для внешних зрителей практически нечитаемы.

Тем не менее, чтобы еще больше обезопасить себя, начал я носить, не снимая, большую фетровую шляпу с широкими полями...

Теперь скажу пару слов о своей несостоявшейся женитьбе.

То, что Камилла не отвергла сходу мои ухаживания, как большинство встреченных мною женщин, было для меня неслыханной удачей. Возможно, ей по каким-то причинам хотелось пожертвовать собой?

За пару дней до свадьбы, я и моя Камилла отправились в ближайшее кафе; народу было немного, и мы уселись за свободный столик напротив друг друга. Признаюсь, настроение мое было не самое веселое в силу разных причин, а тут еще метрдотель велел мне незамедлительно снять мою шляпу...

Я не стал спорить и тут же прочел в огромном зеркале, висевшем за спиной Камиллы, свои собственные мысли и чувства, выраженные в непозволительной форме. В ужасе, я попытался начать думать о чем-то другом, но безрезультатно. Тогда я просто закрыл свой лоб руками и низко склонился над столом.

— О чем ты задумался, дорогой? — спросила Камилла участливым голосом.

— Обернись, и все прочтешь в зеркале, — ответил я, отнимая ладони со лба.

Когда она снова повернулась ко мне, лицо ее было белым как полотно. Потом она схватила меня за руку, и мы оба убежали из кафе, так и не дождавшись официанта.

На улице было уже темно, теплый летний вечер нехотя переходил в ночь. Камилла, наконец, отпустила мою руку.

— Не советую тебе когда-либо снимать шляпу, — тихо сказала она.

А потом добавила:

— Кстати, с этого дня мы не знакомы.

Огорчился ли я? Просто не знаю, что сказать. Может быть, даже обрадовался.

Любопытно, что на следующий день меня уволили. Но я считаю это простым совпадением.

29 мая 2025

10. Странности

Давно это было. Лет десять назад, а то и больше.

Мы говорили о всяких странностях, случающихся время от времени.

— Знаешь ли ты, — спросил я у Вздорова, — как можно солгать с помощью чистой правды?

Он отрицательно помотал головой.

— Таких примеров полно в моем задачнике, — похвастался я.

Вздоров не поверил и потребовал немедленно привести хотя бы один такой пример.

— Пожалуйста, — согласился я великодушно и вкратце объяснил ему суть дела.

— Ого! — сказал Вздоров. — Это не для слабонервных... А нельзя ли придумать историю, в которой все происходит ровно наоборот: с помощью лжи излагается кристальная, чистая правда?

— Не знаю такого способа, — честно ответил я. — Но наверняка такие примеры найдутся... Нужно поразмыслить...

И мы разошлись по своим делам, в разные стороны.

Но не успел я отойти на несколько шагов, как Вздоров догнал меня, бормоча:

— Вот, послушай. Все-таки, это невероятно... Как ты это объяснишь? Буквально на моих глазах нечто, выглядящее весьма благородно, превратилось в подлость, а то, что казалось подлостью, вдруг обернулось человеческим лицом. Но только временно! Потом опять все перевернулось... И так продолжалось несколько раз, до тех пор, пока... Ты сталкивался с чем-либо подобным?

— Нет, — ответил я, удивившись, — никогда ни с чем подобным не встречался. Может, тебе показалось? Ты, вообще, был тогда трезв? Извини за вопрос, конечно...

— Вот, — ухмыльнулся он, — в том-то и дело, что был я трезв как стеклышко. Какой-то жалкий стакан винишка несколько не замутил мой мозг...

— Тогда поздравляю, сказал я, — ты наблюдал редчайшее явление. Вроде ложного солнца или лунного гало. Но объясни, из-за чего процесс прекратился? Почему подлость и благородство перестали переливаться друг в друга?

— Ты не поверишь, — ответил он, внезапно погрузнев, — но произошло кое-что неожиданное... Из ряда вон выходящее... Словно прокричал сказочный петух, и тут же вся фигня остановилась, застыв в своих первоначальных обликах...

— Мда, — сказал я огорченно, а потом добавил: — Ты, в отличие от меня, говоришь загадками. Но, может, хотя бы намекнешь — где ты все это видел? А я попробую догадаться, о чем, собственно, идет речь...

— Нет, — ответил он раздраженно, — не стану я тебе ни на что намекать. Ты сразу все поймешь и разболтаешь. Это повредит некоторым людям, а сам я буду выглядеть идиотом. Можешь считать, что я тебе ничего не рассказывал.

— Как хочешь, Вздоров, — вздохнул я, — но с научной точки приходится считать твое свидетельство небылицей. Желанием привлечь к себе внимание на ровном месте. Всего лишь показателем твоего тщеславия!

— Пожалуйста, — ответил он, улыбаясь.

8 июня 2025

11. Семидухов на астероиде

(фантастический рассказ)

Пишу это, сидя на одном небольшом, но благоустроенном астероиде, где, собственно говоря, я и познакомился с Семидуховым.

Вдали, на бесчисленных планетах земного типа идет нормальная жизнь... Но разве так может быть? Разве жизнь где-нибудь может быть нормальной? Ведь все, что неизбежно заканчивается смертью, нормальным не назовешь.

Поэтому я вношу исправления.

Где-то спокойно и безмятежно течет себе ненормальная жизнь.

Вот так-то.

Что ж в этом хорошего? Не знаю, не размышлял на эту тему. Может, ничего хорошего в этом и нет. А может, все-таки есть. Этот вопрос для меня пока открыт.

Кстати, через неделю я узнаю, сколько мне еще осталось коптить здешнее галактическое небо.

Вот Семидухов и говорит мне по этому поводу:

— Напрасно ты, Саня, рассчитываешь, что твое НКС в какой-то форме уцелеет после твоего, так сказать, убытия. И, исходя из этого, прозябаешь в текущем моменте. Глупость это несусветная...

Я, конечно же, не терплю такого и отвечаю:

— Моя точка зрения научно обоснована, так как мое НКС является квантово-психическим инвариантом и потому пропасть не может ...

Он говорит:

— Вот ты, Саня, согласишься все же, что это Квантовое Инфинито извлекло все такие инварианты на свет из Ничего и тем самым сделало то, что с научной точки невозможно. Ну, Оно же самое где-то там сидит и все эти инварианты тюкает. Инфинито захочет — Оно новые извлечет оттуда же, где раньше брало...

Я тогда вскипел и говорю со всей убедительностью:

— Нет, Семидухов, не может быть, чтоб Оно так поступало. Это было бы мелко и неинтересно. Оно чем должно заниматься — квантовые законы издавать и потом их же Само не нарушать. Оно наверняка ценитель красоты, а нарушение собственных законов, согласишься, выглядит безобразно.

— Никак не могу согласиться с тобой, — сказал тогда Семидухов. — Ты упускаешь из виду такую прекрасную возможность. Оно презентует закон, регулирующий правила нарушения законов, т.е. метазакон. С эстетической точки это выглядит безупречно...

Тут мы выпили хорошенько и закусили как следует: рыбкой соленой астероидной, грибами тоже солеными неизвестного происхождения, а также горьким сморщенным огурцом.

И я говорю:

— Что же ты, Семидухов, делаешь? Ты наше Инфинито представляешь как лаборанта какого-то ленивого, который колбы бьет, чтоб их не мыть после употребления. Нет, не таково Оно, наше Инфинито. К тому же не верю я, что Оно все наши НКС извлекло из Ничего как прочие

безмозглые бозоны, вместе со всякими, прости Господи, фермионами...

— Как?! — вскричал тогда Семидухов, побагровев.

На что я благоразумно и спокойно ответил:

— Полагаю, что все наши НКС, в совокупности, — это и есть Инфинито, изучающее из бескорыстного интереса Само Себя. Что же Оно, по-твоему, будет Само Себя уничтожать?

Смотрю: Семидухов вылезает из-под стола, где он неожиданно оказался, и тянется к телефону Межгалактической Безопасности...

Я тогда его обратно запихиваю и говорю:

— Не торопись, Семидухов! Ты пойми, если я прав, то не приходится тогда обвинять Инфинито в бессердечии к нашим бедам и бездушии, ибо Оно тоже страдает безмерно вместе с нами и горько плачет, бесконечно изучая Само Себя...

27 окт. 2024 — 24 июня 2025

Примечание. НКС — неповторимая квантовая сущность.

12. Заболевание Помрачинского

— Я болен, я болен! — закричал Помрачинский.

— Ну и что, — сказал я.

— Как — что? — возмутился он. — Я болен, а тебе — все равно!

— Ну да, — сказал я. — Более-менее все равно. Кстати, а чем ты болен? Это не заразно?

— Не знаю, — ответил он, внезапно переходя на шепот. — Может быть, и заразно. Но болезнь моя в том, что я стал безразличен к людям. Люди страдают, а мне наплевать.

И я от этого мучаюсь, переживаю, места себе не нахожу. Понимаешь теперь?

— Вот это да, — удивился я. — И это все, что тебя волнует?

— Нет, не все, — продолжил он с болью в голосе. — Вчера я убил клопа. Размахнулся и раздавил его, из бедняги потекла зеленая жидкость... А потом всю ночь я не мог заснуть. Потому что я — убийца! Я заслуживаю всеобщего...

— Ну да, — сказал я. — Раз ты сам признался, значит, так оно и есть. Ты заслуживаешь всеобщего. Больше ни на что не жалуешься?

— Жалуюсь, — продолжал он, не скрывая отчаяния. — Когда я вижу брошенную больную кошечку или грязную бездомную собачку, у меня начинается головокружение от сочувствия. Настолько сильное, что я не могу держаться на ногах и падаю... Я вживаюсь в их образ, их несчастье вливается в мой внутренний мир...

— Кошмар, — сказал я и зевнул.

На него это никак не подействовало.

— Так что же мне делать? — сказал он требовательным голосом. — Ты можешь хоть что-то посоветовать?

Я тогда:

— Болезнь твоя проистекает от излишнего благополучия. Все у тебя слишком удачно складывается. Все тебе на блюдечке само преподносится. Но есть одно хорошее средство. Вот применишь его и снова будешь сочувствовать людям, а не клопам. На кошечек и собачек вовсе перестанешь обращать внимание... Будешь снова нормальным человеком!

— Какое, какое средство?

— Но, — говорю я, — средство это не простое, а специфическое. В общем, идешь к зубному врачу и просишь его,

чисто по-человечески, удалить зубной нерв без обезболивания и без спешки... Если с первого раза не поможет, можно повторять до трех раз.

— Удивительное средство, — зевнул он. — Вот, я только мысленно его к себе применил, и, ты не поверишь, мне оно уже помогло.

— Нее, — зевнул я, — так дело не пойдет. Такое самолечение до добра не доводит, только запустишь свое заболевание, и примет оно опасные для человечества формы.

— Но у меня нет больных зубов, — взмолился он, пытаясь отвертеться.

— Это не имеет значения, — отрезал я.

22 июня 2025

13. Мадам приближается

А. Ну что, приготовился?

Б. К чему? К чему?

А. К встрече с мадам...

Б. Не приготовился. Не знаю никакой мадам.

А. Ну, как же. Не может быть. Все знают, а он один, видите ли, не знает. Та самая мадам, которая... Ну, ты меня понял.

Б. Ладно, тогда знаю. Но встречаться все равно не хочу. Некогда мне. И нет такой необходимости.

А. А вдруг есть?

Б. С какой стати? Ну ты сам посуди. Где я и где она. Ничего общего. К тому же, она на самом деле не мадам, а мадам-муазель. Что значит «не может быть»? Очень даже может. Разве ты слышал что-нибудь о ее муже?

А. Не слышал, но...

Б. Вот то-то и оно. Не слышал он, видите ли. Значит, и не было никакого мужа. Старая дева она! Вот она кто.

А. Какая разница — был муж, не был муж... Встретиться все равно придется. Фрак надень, галстук не забудь прицепить, ботинки почисть...

Б. Отстань. Не собираюсь я с ней встречаться. У меня других дел полно. У меня диссертация-фигагия. Персональный Отчет на тему «Конструктивная деструкция» и статейка в журнальчике прорывная: «Лживая правда как основа бытия». Не пойду на встречу с этой твоей мымрой, как ее...

А. Дурень, ты сам не понимаешь, какую чушь пореешь. Вдруг она узнает, что ты проявляешь непочтительность. Не от меня, естественно. Но ты же орешь, как резаный. На квартал если отойти — и то слышно. На кого будешь потом пенять? А последствия проявятся, ох, какие последствия...

Б. Не понимаю, какие могут быть последствия от неявки. Ничего ж не может быть за это. Это ж мое личное дело! Пусть она катится...

А. *(что-то говорит шепотом на ухо)*

Б. *(поблуднев)* Ну ладно, так уж и быть. Уговорил, черт собачий. Побреюсь. Явлюсь. Новый пиджак надену, галстук, само собой, брюки выглажу. Хотя брюки — необязательно, ботинки тоже чистить не буду, и так сойдет. На работе и дома на всякий случай ничего не скажу...

А. Все ты правильно понял. Главное — не тушуйся. Будь вежлив. Терпелив. Не дергайся и не пытайся ее надуть, как ты любишь. Тогда, я думаю, все пройдет гладко. Ты даже не представляешь, какое это счастье, когда все твои дурацкие заботы отступят и воцарится тишина и необычайное спокойствие...

29 июня 2025

14. Горизонтальная прямая

— Не делай этого, Саня, — сказал Свихновский, узнав, что я собираюсь заглянуть в Параллельный Мир. — Туда нельзя просто так ходить, без подготовки. Надо тренироваться, по крайней мере, месяц. И то не у всех получается...

Но Свихновский давно уже не был для меня авторитетом.

— Что у них там не получается? — спросил я, вежливо улыбаясь.

— Ты пойми, — почти закричал он на меня, — там запрещено думать. Вообще запрещено! Тебя там раздавят, как клопа...

— И что же мне делать? — спросил я, продолжая по инерции улыбаться.

— Подключиться к сенсору и тренироваться до посинения, добиваясь нулевой умственной активности. Чтобы не было даже близко этих мозговых волн, всплесков всяких и прочих синусоид... Должна быть ровная прямая линия...

— Как у покойника? — спросил я, забыв стереть с лица остаток улыбки.

Он кивнул.

Как ни странно, я поверил ему и начал тренировки. Оказалось, что заставить свой мозг не думать почти невозможно...

Но когда через три недели я снова столкнулся со Свихновским в коридоре, он взглянул на мою физию изучающе и радостно произнес:

— Вот, теперь — другое дело. Видел бы ты сейчас свою идиотскую рожу! Как раз то, что там требуется...

С этими словами он подвел меня к институтскому зеркалу, висевшему при входе, похлопал меня по плечу и захохотал во все горло довольно неприятным смехом.

Сам я, впрочем, не заметил никаких изменений в своей внешности. И мне было несколько обидно слышать такое, тем более от этого Свиха.

Будучи в расстроенных чувствах и плохо соображая, я машинально открыл лабораторным ключом транзиторную комнату, и...

И внезапно оказался на улице. День был солнечный, навстречу мне двигалась шумная толпа развеселых личностей. Они громко переговаривались между собой, но смысла их речей я не мог уловить и, остановившись, тупо глядел на них. В какой-то момент мне показалось, что звуки, издаваемые этими веселыми людьми, вообще не образовывали слов и не имели никакого смысла.

«Этого не может быть», — подумал я, стоя на пути у этих странных людей и заложив по привычке руки за спину. Внезапно я почувствовал, как наручники защелкнулись у меня на запястьях.

От неожиданности в глазах у меня помутилось, и я потерял сознание...

Очнулся я внутри гудящей металлической трубы, а перед моими глазами светилась оранжевая надпись:

«Вы обвиняетесь в нарушении Запрета на проведение мозговой деятельности».

Собрав всю свою волю в кулак, я перестал думать о чем-либо; это было невыносимо трудно, тем более — внутри проклятой гудящей трубы. Я еле удерживал свою мозговую активность на уровне горизонтальной прямой; несколько раз я был готов к тому, чтобы сорваться, но каким-то чудом удерживался... Эта пытка продолжалась, наверно, полчаса или даже больше — точнее сказать не могу.

Внезапно труба перестала гудеть, и перед моими глазами зажглась зеленоватая надпись:

«Проверка закончена. Вы свободны».

Две половинки трубы распахнулись, и я, вне себя от счастья, вылез из нее и выбежал из странного помещения наружу, где по-прежнему светило солнце, и снова увидел развеселую, громко галдящую толпу. Конечно, я собирался вернуться назад, в свой прежний мир. Нужно было только выбрать подходящий способ. А для этого следовало начать думать. Но я забыл, как это делается.

7 июля 2025

15. Цицерон в Параллельном мире

(фантастический рассказ)

Все произошло совершенно неожиданно, в последние минуты семинара «*Расширение Языка Поэзии*», где Ц. Викентьеву должны были вручить специальный утешительный приз за наиболее мелодичное использование нецензурной лексики и, в частности, многозначного понятия «хунья». (Тут надо заметить, что этот бесспорный успех стоил ему жуткого скандала с женой и, быть может, даже развода.)

— Поздравляю, поздравляю от души... — только и успел сказать седовласый И.П. Нектаринский, и тут небо внезапно потемнело, а в Дом Поэзии ударила молния. Вылетели электрические пробки, зазвенели стекла и наступила странная, неестественная тьма. Буквально на пару секунд Викентьев отключился... Придя в себя, он обнаружил, что за окном уже сияет солнце, никакой грозы больше нет, а седовласый Нектаринский, только что поздравлявший его с успехом, теперь сердито смотрит на него и грозно спрашивает:

— Ну что, Цуцик, свое задание понял?

— Не совсем понял, извините, — промямлил Викентьев, не решаясь возмутиться фамильярностью обращения («Цуциком» звала Цицерона только мама, в раннем детстве, а больше — никто).

— Мы, тов. Викентьев, — повысил свой старческий голос И.П. Нектаринский, — из-за тебя теряем драгоценное время. Мы все, к твоему сведению — занятые люди. Утром работа, вечером — акция. Но мы не хотим, чтобы про нас думали, что мы... ну, ты меня понял. Поэзия должна быть разгромлена, но самих поэтов мы не собираемся... Только в крайнем случае. Если ты, Цуцик, не предложишь экономичного человекоберегающего подхода. Тогда, конечно, придется... эээ... их всех. Можешь прямо сейчас прикинуть, сколько человек пострадают из-за тебя. Это же, можно сказать, население небольшого такого тихого цветущего городка, вроде Заунывинска... А если за дело взяться с умом, да со смекалкой, капитально, то и среднего города!

Только теперь Викентьев понял, что попал в параллельный мир, и нужно выкручиваться на ходу, немедленно. «Неужели я не справлюсь, — лихорадочно думал он, — тогда чего стоит мой утешительный прирз? Ровно ничего!»

— Послушайте, Изверг Петрович! — сказал Викентьев, решительно выдвинув нижнюю челюсть вперед, чтобы было легче соврать. — Мне тут сегодня утром подкинули стишочек в почтовый ящик... Так там уже есть одна почти готовая идеяка...

И Викентьев, ощутив прилив вдохновения, начал осторожно декламировать, избегая непроверенных рифм:

*Страсть рифмовать слова безмерна
Неизлечим томительный недуг
Он славы жаждою питается неверной
И сам собой пройти не может вдруг
Неужто средства нет? Есть путь один злоециий —
Таинственное звание «Поэт»
Наполнить содержанием похлеще,
Чем «Переносчик горестей и бед»
Тогда поэт захочет притвориться,
Что никогда не изводил словес*

*И запретит губам ночами шевелиться
Биясь об стенку лбом наперевес*

Выслушав, Нектаринский с подозрением посмотрел на Викентьева, но потом все-таки смягчился, а когда все вышли на улицу, подошел и пожал Цуцику руку.

— Так и сделаем, — сказал он задумчиво, оглядывая Дом Борьбы с Поэзией, — это не будет стоить нам практически ничего.

23 июля 2025

16. Виверров и его брат

Виверров сделал себе укол и принял таблетку, но толку не было никакого. Скрючившись от боли, он с трудом мог думать о чем-то постороннем. Если бы он умер в младенчестве (на что были все шансы), то не пришлось бы дополнительно мучиться сейчас. Никакой боли он точно не испытывал бы. И вообще ничего не испытывал бы.

Вот оно как.

Но тогда родители, конечно, стиснув зубы, завели бы себе еще одного, примерно такого же, на год младше.

Конечно, это был бы именно младший брат, которому, может, и не стали бы рассказывать о его неудачном предшественнике. А может, и стали бы — кто их знает.

И тут Виверров попытался представить себе, как сложилась бы жизнь его нерожденного по чистой случайности младшего брата.

Ему показалось, что он ясно видит всю эту неслучившуюся жизнь, которая в силу разных причин складывалась бы еще хуже, чем у него самого.

Он даже вздрогнул от жалости к собственному брату, которого никогда не существовало.

«К черту жалость, ведь это все не осуществившиеся беды, — внезапно пришло ему в голову. — Наоборот, я должен радоваться за него, что он счастливо отделался и всего этого избежал».

Мысль о том, что *нерожденный*... в каком-то смысле все-таки существует, не покидала Виверрова, и он, наконец, мысленно обратился к брату:

— Не думай, — сказал ему Виверров, — что из-за меня ты что-то такое потерял. Якобы особо ценное. Ничего подобного. Раз у меня все было вполне заурядно и паршиво, то и у тебя было бы то же самое. И даже наверняка еще намного хуже. Поверь, я знаю, что говорю...

— С чего ты взял? С чего ты взял? — слышалось ему.

Виверров попытался объяснить, вдавался в разные детали и подробности, делал экскурсии в историю и ссылался на похожие случаи. Но все было напрасно, убедить брата не удавалось.

— Откуда ты знаешь? Откуда ты знаешь? — раздавался в ушах странный несуществующий голос.

— Не хочешь, не верь, — отвечал ему Виверров, стараясь не раздражаться. — Вообще думай, что хочешь... Не соображаешь ни хрена, потому что не жил...

Брат обиделся и не стал на этот раз отвечать.

«Ну вот, — подумал Виверров, — теперь я еще и перед ним виноват...»

Боль временно отступила. Перед ним расстиралось несколько месяцев жизни, которые надо было чем-то заполнить. Разговоры с братом — это было самое оно.

23 июля 2025

17. Взгляд в будущее

— Давай заглянем в будущее, — предложил Обхамилин.

— На сколько? — спросил я.

— До хоть на сто лет, — улыбнулся он.

— Ну хорошо, — согласился я, не подумав.

— И чего ты там видишь? — спросил он, напряженно вглядываясь в будущее, но не в силах покинуть настоящее.

— Вижу праздник, — сказал я, — все смеются, улыбаются и обнимаются. Все счастливы. Люди, биолюди и псевдороботы.

— Что?! — вскричал он. — Какой еще праздник? Какие еще биолюди?

— Откуда мне знать, — ответил я раздраженно. — Говорю, что вижу, ничего не придумываю.

— Ну ты посмотри хоть по сторонам, может, поймешь, что они там празднуют?

— Смотрю, смотрю, — ответил я неохотно. — Вижу, какой-то гроб несут и пляшут вокруг него. Биосволочи.

— Как это? Как это? — заволновался он. — Что же они тогда празднуют?

— Тсс, — сказал я, — не волнуйся, как-нибудь разберемся. Вот лавка с уцененными товарами по дороге попала. Книги! Посмертные сочинения Пушкина в пятнадцати томах. Совместные посмертные исторические романы Пушкина (участие 50%), Лермонтова (25%) и Вальтер Скотта (25%). Избранные совместные посмертные стихотворения Достоевского (30%) и Ахматовой (69%) при участии Цветаевой (1%)... Тут много чего на полках стоит. В честь праздника дополнительная скидка... А вот еще, автора не хочу называть, «Искусство оглупления» в трех томах, ... «Гимн добродетели и любви» — посмертные дневники Святослава Рихтера (с трехмерными фотографиями)...

— Не понимаю, — возмутился Обхамилин. — Что значит «посмертный роман»? Что это еще за шутки? Разве после смерти человек может ... эээ... участвовать в литературном процессе? И ты снова не отвечаешь на мой вопрос — что у них там за праздник? Чей гроб несут?

— Насчет посмертных сочинений выдающихся авторов могу только строить предположения, — ответил я скромно. — Думаю, что это результат интуитивно-вычислительной деятельности Всемирного Биоразума. Ничего другого представить себе не могу. Кстати, тут за гробом идет струнный оркестр и играет очаровательную танцевальную музыку... Очень знакомую...

Тут Обхамилин рассердился на меня за то, что я так и не смог узнать, в чем причина праздничного шествия, чей гроб несут и что за веселенькая музыка вслед за этим гробом исполняется. И он решил сам заглянуть туда, откуда я только что вернулся назад.

Жилы вздулись у него на лбу от натуги, но все было безрезультатно.

— Давай-давай! — изо всех сил подбадривал его я.

Наконец, у него получилось.

С блаженным видом он погрузился в наше столетнее будущее.

— Эх ты, Саня, недотепа, — сказал он задумчиво спустя непродолжительное время, — не смог узнать такую простую вещь. Столетие со дня Смерти Искусства — вот, что там сейчас празднуют! А музыка, естественно, Петра нашего Ильича ... бессмертная Седьмая симфония...

2024–2025

18. Смеркальский

Негодюев сидел и никак не мог выбрать подходящую фамилию для героя своего будущего рассказа. О чем будет рассказ — он тоже себе не представлял. Одни темы изъезжены, другие сомнительны, третьи — вообще умом нормального человека не постижимы, и лучше от них держаться за сто километров...

— Фамилия сама подскажет, о чем будет рассказ, — надеялся Негодюев.

— Она, фамилия эта, — думал он, — должна быть, с одной стороны, отчасти положительной, но не до конца. С другой же стороны, фамилия эта чертова должна быть, как бы это вам сказать, воплощением какой-то тайны... И заодно стимулом для работы!

Так думал Негодюев и, в конце концов, остановился на двух фамилиях сразу — Смеркальский и Сумраковский; их он набрал на своем компе. Там они с первой секунды начали конкурировать между собой, плевать друг в друга и обзываться.

— Так дело не пойдет, — подумал Негодюев и решительно стер Сумраковского, как менее перспективного.

Тяжело вздохнув, набрал он первую странную фразу, которая непонятно откуда спустилась ему в голову:

«... Смеркальский сидел за столом и размышлял о чем-то, чему никак не мог найти названия».

Фраза была странная, но дальнейшие слова полились уже сами, легко и непринужденно.

«Пока нужное ключевое слово не найдено, лучше ничего не предпринимать,» — думал Смеркальский, глядя в окно, за которым сгущались разреженные летние сумерки. «Стинул», — вот нужное слово, внезапно догадался он. Итак, у него наконец появился стимул, чтобы жить дальше. Очень

странный стимул, может быть, даже отрицательный в каком-то смысле. Ну, что ж, спасибо и на этом. Но чем теперь заполнить серую ленту жизни?

«Я же ни на что не гожусь, ничего не умею делать. — сокрушался Смеркальский. — Вот стимул у меня теперь есть, но как его употребить? Писать рассказы?»

Смеркальский призадумался. Для начала надо хотя бы один приличный рассказец написать, а там видно будет. А в этом рассказике разложить все по полочкам, объяснить самому себе и всем заодно, что за стимул такой собачий. Конечно, нужно придумать фамилию главному герою, от лица которого можно было бы это самое раскрыть... ну, вы поняли. Но никакие подходящие фамилии не приходили Смеркальскому в голову... Наконец, что-то очень странное прилетело ему в ухо, непонятно откуда: «Недогуев». И Смеркальский судорожно начал набрасывать на компе начало рассказа:

«Недогуев твердым шагом вышел из Дома Умалишенных, куда его недавно определили для его же пользы. (Не будем уточнять, кто его туда упек. В конце концов, какое это имеет значение для рассказа? Главное, что он оттуда выбрался и уверенно шел, куда глаза глядят.) В душе его царили, как всегда, мир и спокойствие. Он улыбался всем встречным-поперечным, обнажая многочисленные белоснежные зубы, и все улыбались ему в ответ.

Рассчитывать свою жизнь дальше, чем на пять минут вперед, он не умел. Поэтому никакой стимул ему не был нужен. Ни положительный, ни, тем более, отрицательный.

— Зачем мне какой-то стимул, — думал Недогуев, — если у меня и так все хорошо?

Внезапно ему попался на дороге странный человек, чем-то похожий на него самого, но явно несчастный.

— Что, без стимула тебе не живется? — участливо спросил его Недогуев. — Вот, бери пример с меня. Я ни в бу-

дущее, ни в прошлое дальше, чем на пять минут заглянуть неспособен. Поэтому мне все нравится и все меня устраивает в высшей степени...

— А, вот ты кто! — воскликнул несчастный человек (а это был, скорее всего, Негодуев). — Сейчас отведу тебя обратно в Сумасшедший Дом, чтоб ты честных людей своими улыбками не смущал!»

Так написал Смеркальский в своем компе, желая отвлечь внимание Негодуева на неподходящий объект, а сам поспешил выбраться из рассказа наружу, где и растворился бесследно.

17 авг. 2025

19. Дневник Сумраковского

Когда очередной приступ закончился, Сумраковский повертел свой диагноз так и сяк (желтую такую бумажечку с подписью) и прикинул оставшееся ему время... Вместо того, чтобы расстроиться (как поступил бы любой нормальный человек на его месте), он почему-то обрадовался.

— Ага! — подумал он. — Наконец-то у меня появилась возможность отомстить им всем сразу и при этом не замараться.

Тут надо сказать, что врагов у Сумраковского было огромное, немереное количество, причем из самых разных слоев общества, и мысль о том, чтобы им всем сразу насолить, никогда раньше не приходила ему в голову из-за своей абсурдности.

— Вот отброшу я копыта, — размышлял Сумраковский, жмурясь, как кот, от предвкушения, — и набегут враги мои, чтоб рыться в моем архиве и извлекать оттуда намеки и упоминания о самих себе... А там — сюрприз. Имею же я право,

в конце концов, находясь на пороге Вечности, писать дневник, не предназначенный для посторонних глаз, где выскажу все, что думаю об этих людях на самом деле...

Подумав эту неочевидную мысль, Сумраковский вдруг забеспокоился, почувствовав какое-то внутреннее неудобство.

— Эх, — засомневался он, — как-то это выглядит нехорошо, даже с загробной точки зрения. А как тогда быть? Вовсе им не мстить, простить издевательства безобразные, злобу неописуемую, хамство непотребное? Проявить слабость?

— Нет, никогда! — твердо решил стоять Сумраковский на страже границ собственной личности.

Взял тогда он школьную тетрадь в клетку и написал на обложке:

*Мой Личный Дневник
Открывать запрещаю
Выбросьте, не читая*

Перечел Сумраковский написанное на обложке и одобрил сам себя. Затем открыл тетрадь и вывел на первой странице красивым почерком:

*Просил же по-хорошему
Не открывать, а вы что?
Это нарушение воли усопшего
Одумайтесь, пока не поздно!*

Тут Сумраковский представил себе ужасную картину, от которой с отвращением содрогнулся: толпа ненавистников сгрудилась над его письменным столом и разглядывает первую страницу его дневника; самые мерзкие уже вцепились в тетрадку и норовят перевернуть страницу, одни отталкивают других и карабкаются по их спинам, гвалт стоит невероятный...

— Давай, скотина, переворачивай! — кричит кто-то, пуская слюни от нетерпения. Несколько озверевших личностей уже занесли стулья над головами...

Вот такая, прямо скажем, идиллия. Перевернул тогда Су-мраковский сам первую страницу своей тетрадки, а на второй написал что-то неприличное и фигу нарисовал в натуральную величину.

— Хорошо-то как, — подумал он, — не оставил я их без наказания.

Потом улыбнулся незаметно и умер.

20 авг. 2025

20. Недопёлкин и Ночной голос

(сказка)

Как собрался Недопёлкин после трудового дня лечь спать, так даже и раздеться не успел, а сразу захрапел беспробудно, и приснился ему сон. Будто положено ему вскорости помереть, прямо-таки совсем скоро. И нужно успеть разложить свои поступки и деяния на квантово-чашечные весы, которые и определяют его дальнейшую судьбу. Пригрюнился поначалу Недопёлкин во сне, но сразу же воспрял духом. Ибо маленькая левая чаша весов, куда все положительное надо было складывать, прицеплена была к длинному-предлинному плечу, а здоровенная правая корзинища для всего отрицательного — к совсем коротенькому.

— Ну, с такими разноплечими весами беспокоиться мне нечего, — решил Недопёлкин и начал было складывать в левую чашу всякие свои мало-мальски приличные поступки. Кому-то долг вернул (хотя не хотелось), еще кому-то морду не набил (несмотря на острое желание), чужую жену отказался соблазнять (вопреки природной предрасположенности)... Смотрит — а больше складывать туда и нечего.

— Эх, — подумал Недопёлкин, — знал бы я раньше, как все это на свете устроено, уж я бы тогда бы...

И начал он, с горя, в правую корзинищу закидывать всякие свои безобразия — сначала мелкие, потом — которые покрупнее, потом те, о которых даже вспоминать было неудобно.

Заскрипели тогда весы, и опустилась правая корзинища вниз, несмотря на сильно укороченное квантово-механическое плечо.

— Вот ведь незадача, — расстроился Недопёлкин, — неужто я влип по уши? Что ж мне теперь — совсем пропадать?

И тут раздался неизвестно чей голос посредине сна:

— Попробуй, Недопёлкин, на левую чашу, кроме поступков неплохих, положить еще хорошие намерения неосуществленные и забытые, а также мотивы добрые, которые привели к каким-нибудь нехорошим или даже ужасным последствиям...

Послушался Недопёлкин Ночного голоса и много чего набросал в левую чашку весов. И вдруг видит: заскрипели весы и с трудом пришли, наконец, в шаткое равновесие.

— Вот же черт побери, — возмутился Недопёлкин, наблюдая квантовую шаткость весов, когда некоторые мотивы и намерения норовили выбраться из левой чаши и переползти в правую отрицательную корзину.

И тут, представьте себе, кое-какие особо резвые и несознательные мотивы и намерения переползли-таки направо, и снова опустилась отрицательная корзинища вниз...

— Почему только положительным мотивам и намерениям не сидится на месте, где им положено быть? — негодовал Недопёлкин. — Почему отрицательные и мерзкие поступки не вылезают и не ползут им навстречу? Тогда все было бы по справедливости и по Третьему закону Ньютона...

— А потому, — отвечал ему Ночной голос, — что происходит спонтанное этическое нарушение симметрии, которое мы сами не можем объяснить. Уж не знаю, чем тебе помочь. Разве что — найдешь какое-нибудь угрызение подходящее, горько-мучительное и нестерпимое, тогда можешь положить его на левую чашу. Вдруг поможет, чем черт не шутит.

Так сказал Ночной голос, особо не надеясь на положительный результат.

Вынул тогда Недопёлкин у себя из-за пазухи угрызение, которое он уже много лет носил с собой и никому не показывал, и положил туда, где шевелились, норовя выползти, добрые намерения и прочая чепуха. И тут же уравнились веса и застыли намертво в квантово-психическом равновесии.

Удивился тогда Ночной голос и говорит:

— Повезло тебе, Иван, с этим угрызением. Никогда бы не подумал, что из-за обыкновенной кошки можно столько лет зря убиваться. Короче, спи дальше спокойно и можешь, если хочешь, не просыпаться.

24 авг. 2025

21. Гримасов и кальмар

Ни с того, ни с сего приснился искусствоведа И. Гримасову странный сон. Будто стоит он, как ни в чем не бывало, на дне морском, а перед ним колышется водное существо многорукое, типа кальмара. Вытягивает свои ручонки и переливается разными цветами в виде искривленных окружностей и прочих непонятных форм. Некоторые полосы темно-красные, за ними откуда-то тянутся сине-зеленые и так далее...

— Чего тебе от меня надо, кальмарище? — говорит ему Иван в полном недоумении и отчасти в раздражении. — Зачем тут передо мной переливаешься? Делать тебе, что ли, больше нечего?

А кальмар ничего ему не отвечает, только пуще прежнего переливается оранжевым и фиолетовым.

— Прекрати немедленно! — говорит ему тогда Иван. — Терпеть вот этого не могу, когда выпендриваются на ровном месте, хотя бы даже в морской пучине. Займись каким-нибудь разумным делом, подходящим для твоей комплекции. Вязанием, что ли, или вышиванием крестиком...

А кальмар только делает вид, что его слушает, но ничего такого не предпринимает. Наоборот, еще больше бордовых колец напустил с синеватым отливом по краям.

Разозлился тогда Иван, схватил подводный булыжник и как запустит этому кальмару прямо в лоб.

Увернулся бедный кальмар от прямого попадания, только клюв немного набок у него съехал.

Короче, погрустнел наш кальмар, пригорюнился. Перестал, наконец, переливаться и говорит внезапно на человеческом языке (хотя и с акцентом):

— Дурень ты, Иван, простой вещи не понимаешь. Вот не смогу я после увечья переливаться, не продолжу создавать неземную подводную красоту из ничего. Будешь теперь сам переливаться вместо меня!

Так он сказал и уплыл в неизвестном направлении, скрывшись в подводной глубине.

Удивился Иван, а главное — не сумел ничего кальмару возразить, и от удивления проснулся, вынырнув, наконец, из глубокого сна.

Вылез из-под одеяла и на всякий случай подошел к зеркалу. На первый взгляд, вроде, все на месте в его внешности,

никаких бордовых колец и пятен... Только синие круги под глазами от сердечного переутомления, но они и раньше у него были.

— Ну и слава Богу, не хватало еще, чтобы каждое подводное животное имело на меня влияние, — подумал Иван.

И вдруг замечает, что накатили на него неправильными кольцами всякие незнакомые ему прежде чувства, мешая сосредоточиться на текущей работе.

Некоторые чувства серенькие, вполне терпимые, с ними можно еще примириться и жить дальше припеваючи, не обращая на них внимания, а про другие (жуть бордовую и опустошение постыдное фиолетовое) лучше даже ничего не рассказывать...

— Нее, — подумал Иван, глотая успокоительное, — с такими чувствами нам не по пути. Надо будет в следующий раз этого кальмара изловить и окончательно пришибить, чтоб не лез со своими бордовыми и фиолетовыми переживаниями куда не просят.

26 сент 2025

22. Шансон

Пожилой несостоявшийся поэт Антон Моисеевич Дылдин принес свой стих в редакцию лично, не доверяя обычной (а тем более — электронной) почте. Стих этот назывался «Шансон» и очень ему самому нравился.

— Неужели и в этот раз не возьмут? — заранее возмущался Дылдин, стоя перед редакционной дверью престижного журнала “Время”.

Редактор Чувствительных, Петр Иванович (с которым у Дылдина была назначена встреча), тоже переживал, заранее придумывая причину отказа.

— Не могу же я прямо в лицо ему сказать, что нет у него таланта и нечего корчить из себя на старости лет непонятно что... Что не Бродский он! А как бы так вежливо отказать, ссылаясь на переполненность редпортфеля стихо-продукцией? Ведь не поверит, негодяй!

Короче, перешагнул Дылдин порог редакторского кабинета, поздоровался, из последних сил сохраняя достоинство, и протянул Петру Ивановичу свой листочек...

Нацепил тогда Чувствительных очки на свой римский нос, и прочел, шевеля губами:

Шансон

По одной дороге по шоссейной
Ехал огорченный человек,
А в душе его благоговейной
Горечь упокоилась навек.
За окном ободранной машины
Голизна осенняя берез,
Кленов сумасшедшие вершины
И несется грязь из-под колес.
Но взялась откуда эта горечь,
Ты ее чем хочешь не развей,
То она скулит во мгле как сволочь,
То пищит как в клетке соловей.
Злые мысли лучше прогони же,
Человечек в осени рябой.
Ну зачем, зачем ты был унижен,
И растоптан заживо Судьбой...

Дочитав до конца, Чувствительных глубоко вздохнул, но от сердца у него отлегло. Отказать было проще простого.

— Поймите, — сказал он Дылдину веско и доброжелательно, — это непубликабельно сразу по двум причинам. Во-первых, неграмотные обороты речи, неуместные словосочетания... Одни «сумасшедшие вершины» чего стоят! А во-вторых...

Тут Чувствительных зачем-то огляделся по сторонам, хотя больше никого (кроме них двоих) в его кабинете не было.

— А во-вторых, — продолжил он, понизив голос, — «растоптан заживо» — как это прикажете понимать? Как метафора, в наше время это недопустимо. Мы же должны считаться с возможным мнением... литературных кругов...

29 сент. 2025

23. Старик, Домик и Блюз

1. Старик у окна

Старик еще не окончательно выжил из ума, хотя был уже, как говорится, на пути туда... Однажды ночью он заблудился в собственной совсем небольшой квартире и был в полном отчаянии...

Ему казалось, что он попал в какое-то заколдованное место, откуда невозможно выбраться. Спасся случайно...

Сейчас он сидел и тупо смотрел в окно и вспоминал.

Ему вспомнилось, как много лет тому назад, когда он был еще ребенком, он сидел на том же самом стуле и тоже смотрел в окно, ни о чем не думая. А гости, пришедшие к родителям, тихо заметили друг другу: «А мальчик-то тупенький!»

Всю последующую жизнь он пытался доказать, что это не так.

Приложил массу усилий.

Впрочем, возможно, он зря старался.

Ему пришло в голову только сейчас, когда осталось уже совсем немного, что действительно существует закон кармы.

Которая иногда жестоко бьет прямо в старческое сердце, а иногда — передает развеселый привет.

Да, он наконец убедился в этом на собственном опыте.

Обо всем этом ему хотелось кому-то сказать, но те, кому это могло быть интересно, уже умерли.

«Может, стоит начать писать дневник, — подумал он и тут же отбросил эту глупую мысль. — Рука уже не слушается, и почерк стал отвратительный».

«К тому же, — продолжал думать он, — жизнь моя настолько однообразна, что все записи в дневнике будут одинаковые... Потом, перед тем как окочуриться, нужно будет этот дневник успеть сжечь».

Зачем устраивать себе лишние мучения?»

Мучений (или, если угодно, приключений) и так хватало. Например, как скрывать на людях свою глухоту или как жевать беззубым ртом...

Но мысль о карме все-таки вернулась и не отпускала его.

— Привет, старушка Карма, — мысленно прошептал он ей. — Ты, старая карга, все знаешь обо мне лучше, чем я сам. Так что, валяй, действуй! Ты, наверно, знаешь, как я поведу себя в самую страшную минуту... А я этого как раз не знаю. Она все еще со мной не случилась. То ли к счастью, то ли наоборот.

— Я еще не решила, — послышалось ему, — потерпи еще немного, дружок...

30 июля 2024

2. Домик

Где они, эти благословенные места?

Чеховские и левитановские...

Да вот они, рядом тут.

А может быть, и не рядом вовсе. Кто его знает.

Так вот, представьте себе, вишневый такой, очень тихий садик и призрачный домик в нем, сложенный из чего-то непонятного... Крыльцо небольшое имеется, чердак, подвал, труба на крыше дымится. Все, как полагается. На чердаке — живут разные бездомные птицы, которые соблюдают там чистоту и порядок. Стараются. Вот такие птички.

А в подвале — что? Попытки? Нет, что вы. Ничего такого. Никто даже не пытается никого пытаться. Честное слово! Просто мусор какой-то там копится. Всякие ненужные вещи. Ржавые велосипеды без колес. Воспоминания овеществленные и не очень. Короче, все чинно и благородно. Да-с!

Вот такой вот домик, сложенный из... такого, знаете ли, материала... Еще иногда встречающегося, но так просто его не купишь.

— А что, — спросите вы, — там в комнатках-то? А?

— Ну, что вам сказать... Внутри там все тоже очень хорошо, и даже до такой степени хорошо, что лучше некуда...

— А прочен ли этот домик-то? — спросите вы с подозрением. — А то, дунет ветер, и — тогда что? Устоит ли домик, сложенный из чего-то там? Из чего, кстати, он сложен? Из кирпичей или из бревен? Или это карточный домик?

— Нет, — отвечу я вам, — не карточный это домик, не бревенчатый и не кирпичный. А он сложен, представьте себе, из чувств. Поэтому, насколько он прочен, предсказать заранее невозможно. Зато, если он разрушается, то от него не остается ничего. Никакого строительного мусора. Волшебные птички разлетаются, бесколесные велосипеды сами куда-то укатываются...

— Ах, — скажете вы, — где ж это видано, чтоб домики строили из одних только чувств. И неужели потом совершенно ничего не остается? Не может быть, чтоб хоть что-нибудь не завалилось на память. Из чего его, домик этот, можно было бы снова постепенно сложить...

— Нет, — скажу я вам, — даже если останется на память какой-нибудь ржавый руль или колесо, сам домик уже не из чего будет складывать. Что нисколько не противоречит закону сохранения вещества. Потому что пропадает не вещество.

2024–2025

3. Блюз

Страх и Одиночество,
Встретившись,
Нашли, наконец, друг друга и
Соединились в объятьях.
— О, Страх, дорогой,
Как я тебя ждало!
Говорит Одиночество,
Прижимаясь к нему
Щекой.
— Оооо, мое дорогое,
Шепчет Страх.
Вдвоем мы образуем небывалую
Субстанцию.
Теперь, когда мы вместе,
Сведем с ума, кого пожелаем.
Тенью портьеры
Или веток на стекле,
Шепотом за закрытой дверью,
Внезапным скрипом тормозов
У подъезда.
Или, на худой конец,
Телефонным звонком.

Тот,
Кого мы посетим,
Уже не забудет нас
Ни в глуши,
Ни даже в большом, ярко освещенном городе,
В минуту случайного
Счастья.

18 июля 2023

24. Этюд о зевании

Может быть, вы все еще не знаете, зачем в животном и человеческом мире существует зевание? Какую функцию на самом деле оно исполняет? Охлаждение мозга — вряд ли. Так мозг всерьез не охладишь. Тренировка жевательных мускулов? Конечно, нет. Но — зачем тогда?

Ответ лежит на поверхности, но почему-то его никто, кроме меня, не видит.

А дело вот в чем.

Зевание, как я полагаю, было заложено Природой в нас, чтобы с его помощью мы могли обмениваться своими субъективными сущностями. Понимаете?

Вот, например, сидите вы на лавочке и зеваете от скуки. А напротив сидит влюбленная парочка с мопсом Бобиком на коленях. И все трое, представьте, тоже зевают — сразу же после вас. Удержаться они, видите ли, не могут. Хорошо еще, что юноша и девушка прикрывают себе рот рукой...

И что же происходит дальше?

Этого кроме меня, к сожалению, никто не понимает и оттого не принимает нужных мер.

А дальше вы семените на поводке к своим новым хозяевам, не подозревая о случившемся обмене. Дело в том, что каждая вылетевшая при зевании субъективная сущность обязательно вцепляется в подходящую чужую память (если есть такая возможность) и воспринимает ее как собственную.

Короче говоря, приходите вы к своим новым хозяевам, хлебаете из миски в углу свой собачий корм и думаете: «До чего же хороша собачья жизнь! Делать ничего не надо, на работу ходить не надо, думать тоже не надо. Если дважды в день выводят погулять в скверик, то вообще красота...»

А ваше тело возвращается домой в грустном настроении, садится за стол и смотрит на вашу жену исподлобья. А затем говорит простуженным собачьим голосом:

— Что-то я устал сегодня, как собака... Хотя, вроде, ничем таким особенным не занимался. Кстати, жрать охота, а где моя миска? А?

Ну, ваша жена огорчается и думает: «Вот сколько лет я с ним живу, и чем я заслужила такое отношение?»

А ваш кот Мурзик, который вас прежде очень любил и облизывал, воротит от вас нос и показывает свое полное презрение...

И тут, представьте себе, — звонок в дверь. Это пришли втроем соседи снизу, которых вы случайно вчера залили, да так, что у них кафель отвалился, обои отклеились, а тапки по всей квартире плавали.

Вот, заходят они, вам (точнее, вашему телу) хочется на них гавкнуть, но ваше тело себя сдерживает изо всех сил, и в результате мощно зевает. Соседи все втроем, а также ваша законная супруга и даже кот, естественно, зевают, поскольку нет никакой возможности удержаться.

Дальше уже трудно проследить, кто где оказался, но в вашем теле утеснилась теперь Мурзикова кошачья

субъективная сущность, взамен собачьей. А кому досталась собачья — не совсем понятно.

Короче, вы (а вернее — ваше тело) пытаетесь вскочить на колени жене соседа и помурчать, и скандала, казалось бы, уже не избежать...

Но в последний момент по коридору пробегает маленькая мышь, и вы с криком «Держи проклятую!» бросаетесь за ней.

Догнать мышь вам, естественно, не удастся, она ныряет в мусоропровод, чтобы там надежно спрятаться. Ваше тело следует за ней, но... Верхняя половина вашего туловища пролезает, а нижняя — нет.

О дальнейших приключениях умолчу.

Всего этого можно было бы избежать, если научиться зевать с закрытым ртом.

Кстати, вы можете спросить: а не опасно ли рот вообще открывать при обычном разговоре? Отвечаю со всей присущей мне ответственностью. При обычном разговоре рот открывать далеко не так опасно, как при зевании. Но, как говорится, береженого Бог бережет.

21 мая 2025

25. Бампер

Мой друг, человек с выдающимся жизненным опытом и, к тому же, весьма проницательный и обладающий исключительным литературным чутьем, сказал мне как-то:

— Саня, не стыдно ли тебе писать о вещах, в которых ты ни бельмеса не смыслишь?

На что я, не обидевшись на его в целом верное замечание, отвечал:

— Признаюсь, что совершенно не стыдно. Почему? В силу врожденной хромоты и некоторой подслеповатости, не приспособлен я к далеким путешествиям... А копаться в справочниках, разузнавая подробности, я считаю для себя унизительным. Поэтому — приходится, сидя дома, выдумывать всякие детали и прочие глупости в собственных целях...

— В каких еще целях? — спросил он, насторожившись. — Разве могут быть у литератора какие-то цели, кроме естественного желания что-то написать?

— Дело в том, — продолжал я оправдываться, — что несмотря на общую скудость и серость моей биографии, иногда меня переполняют чувства, от которых хочется немедленно избавиться. Поэтому я пишу чистую правду, но помещаю ее во всякие экзотические обстоятельства... В непроходимые леса Амазонии, в сибирскую тайгу и даже на астероиды... Разве это недопустимо?

Он ухмыльнулся и произнес задумчиво:

— Много лет тому назад, занесла меня нелегкая в Дом отдыха советских писателей...

— Надо же, — перебил его я, — как-то раз оказался я тоже, по недоразумению, в писательском вместилище... То ли я ухаживал тогда за какой-то писательской дочкой, то ли что-то еще мне было надо. Сейчас уже точно не помню. Помню только, что вылетел оттуда как пробка, не выдержав тамошней атмосферы...

Он никак не прокомментировал мои слова о невыносимой писательской атмосфере и продолжил свою историю:

— ... Короче, стою я там перед входом и показываю пожилому охраннику какую-то бумажку типа приглашения... Он эту бумажку вертит, обнюхивает со всех сторон, не зная, впускать ли меня внутрь или, наоборот, вызвать милицию для моего задержания. И тут вдруг молодая оболстительная

писательница в откровенно заграничной одежде оттесняет меня и говорит этому охраннику: «Петрович, скажите, что у машины в дороге обычно ломается? Как оно называется?» Этот Петрович смотрит на нее отупело, вдыхая аромат ее духов, и не понимает вопроса. Тогда она говорит: «Петрович, поймите, я пишу рассказ про автомобилиста. И вот у него что-то сломалось в дороге, и он это чинит. Но я не знаю, как называется то, что у них обычно ломается». Тут я вижу, что до охмуренного женской красотой Петровича начинает доходить смысл вопроса, и он собирается что-то сказать, но делает это очень медленно. Признаюсь, что не выдержал и опередил его: «Бампер у них обычно ломается, бампер!»

— Какие благословенные были времена, — сказал я своему другу, восхитившись его находчивостью. — Бамперы, конечно, ломались беспрерывно, но зато солнце светило ярче, трава была зеленее и красивые девушки иногда обращались и смотрели с тоской...

— И все же, Саня, — заметил мой друг, — боюсь, что ты не понял смысла рассказанной мною истории. Сочинитель обязан разбираться в деталях, узнавая их любыми доступными ему способами.

5 окт. 2025

26. Преимущества параллельного мира

(фантастическая пьеса)

Действующие лица:

Изморозьев, Леденящев (инопланетяне)

И. Поверь, то, что мы — жители параллельного, а не перпендикулярного мира, дает нам неоспоримые преимущества по сравнению с этими недотепами...

Л. А именно?

И. У нас — хорошо развитое чувство параллельности. Вот этим мы от них отличаемся. И в этом наше преимущество.

Л. Ты уверен, что это нам на пользу?

И. Параллельность не просто облегчает, а делает нашу жизнь максимально удобной и комфортной. Им там все это недоступно.

Л. Но почему, почему?

И. Ну, не знаю даже, с чего начать. Там, например, запрещено писать вдоль линеек по линованной бумаге. Нужно поперек писать. Разве это разумно? А вот еще, вспомнил. Там спать лежа запрещено, только стоя можно.

Л. Какой ужас! Ноги же отекают. Я бы так ни за что не смог заснуть. Я же не слон какой-нибудь, а все-таки человек.

И. У них не затекают. Как только начинают затекать, они тут же во сне переворачиваются и дальше спят вниз головой.

Л. Не может быть! Тогда голова, значит, у них должна затекать. По очереди — то ноги, то голова...

И. То-то и оно. Странные люди. Невменяемые. Им объясняешь, как изменить жизнь к лучшему, а они не понимают.

Л. Но откуда ты все это знаешь? Я вот, ничего такого раньше не слыхал. Хотя я, так сказать, интересуюсь, в меру сил, жизнью во всех ее проявлениях... Даже не самых удачных.

И. Откуда, откуда... Я ж там в командировке был, все своими глазами видел. Вот, еще забыл сказать. Тарелки на стол там вертикально ставят, а не как мы, плашмя. Принесут, допустим, тебе горизонтально (это — пока несут) пюре с сосиской, а как на стол ставить, так — хлоп — перпендикулярно ставят, сволочи!

Л. А как это пюре тогда есть? Можно же голодным остаться...

И. На то и расчет, чтоб меньше съели. Но они там тоже не совсем дураки. Ладонью пюре придерживают, чтоб не сползло...

Л. Но суп-то, суп? Как они его едят?

И. Супы навсегда запрещены по неизвестной причине. Никаких супов. За супы строго наказывают.

Л. Послушай, а не может так быть, что они там считают себя нормальными и умными, а нас — выродками безмозглыми?

И. Конечно, нет. Ну, ты сам посуди. Не могут они так считать. Ведь это они спят вертикально, обедают перпендикулярно и оттого страдают безмерно... А как они общаются друг с другом, вообще невозможно передать!

Л. Но как, как?

И. Не расскажу, даже не проси. Это настолько неприятно выглядит, что они в конце концов перестали друг с другом разговаривать, а при случайной встрече отворачиваются и разбегаются в разные стороны.

Л. Слава Богу, у нас все не так, все по-человечески — спим, обедаем, общаемся и, главное, скользим и извиваемся всегда параллельно и горизонтально...

сент. — окт. 2025

27. Трясогубцев — победитель ярости

Внезапно Трясогубцева охватила ярость. Но ярость — это, знаете ли, совершенно не то же самое, что ненависть. (Не говоря уже о том, что ненавидеть он не умел.) И куда же была направлена его пресловутая ярость? Вроде бы, на чье-то невыносимое простодушие. Каких-то давно умерших, близких ему людей. Если хотите, спросите у него сами, а мне это не интересно и безразлично.

Впрочем, он хорошо знал, что делать с этим тлеющим и иногда вспыхивающим безумием. Нужно не делать ничего. А только представить себе, как пройдет целая куча времени, и от всего, что он увидел и узнал, не останется и следа. Солнце будет светить, травка — потихоньку себе зеленеть... От этих мыслей его ярость всегда успокаивалась и укладывалась спать дальше.

— Хрен с тобой, — говорила она ему, прежде чем начать мирно посапывать.

— Вот так-то, — думал он, — с собственной яростью нужно уметь обращаться. Не потакать ей, а то — сами понимаете, чего она может натворить сгоряча. Она должна дрыхнуть сном праведника, иногда вскрикивая во сне от ужаса, ощериваясь и выпуская когти. Это — пожалуйста. Пока она спит, можно жить спокойно, заниматься своими делами и ничем не заморачиваться. А вот, когда она хочет проснуться — нужно всего лишь намекнуть ей вежливо, что, собственно говоря, кто она такая с точки зрения Вечности? Абсолютно никто, чистый ноль. И поэтому нечего тут выпендриваться... И она, поупрямившись для виду, всегда соглашается. С Вечностью не поспоришь!

Иногда, правда, она начинает подозревать, что он ее обманывает.

— Никакой Вечности не существует, — говорит она ему с кривой ухмылкой спросонья. — Врешь ты все насчет Вечности.

— Я никогда не вру, — отвечает он ей, — особенно насчет Вечности и Бренности. Скоро они наступят для нас с тобой. Тогда сама убедишься.

— Повезло тебе со мной, — шепчет она, засыпая, — другая бы давно ушла от тебя к кому-нибудь посolidнее...

— Какая еще другая? — возмущается Трясогубцев. — Никого, кроме тебя, у меня нет.

8 окт. 2025

28. Реинкарнация ФМД

(фантастический рассказ)

Посв. N.

Как уверяют британские ученые (а я им верю безоговорочно, и еще ни разу вера эта меня не подводила), философ Федор Моисеевич Д., всенародный любимец и кумир, реинкарнировался в XX веке, причем не столь уж и давно. Но, мало того, чтобы не быть узанным, из присущей ему природной вредности и склонности к противоречию общественным вкусам, возродился он в женском облике. Да-с, именно так-с, а не иначе.

(Кстати, по сведениям из компетентных источников, реинкарнация эта произошла в новолуние и сопровождалась прилетом сверхмощного нейтрино, пробившего кирпичную стену и застрявшего затем в дупле березы, растущей на заднем дворе.)

Конфуз, конечно, разразился бы всенепременно, если бы публика узнала в лицо Федора Моисеевича, как какого-нибудь беглого деятеля в юбке и платочке, а также на каблучках-с. Но нет, конечно же, внешность ФМД изменилась в процессе реинкарнации столь радикально и притом в лучшую сторону, что прямо вот так, за здорово живешь, узнать его было бы невозможно. И никакие каблучки и прочие дамские аксессуарчики типа сумочки и чулок фильдеперсовых не контрастировали с новой целомудренной внешностью нашего героя (или, если угодно, — героини).

Но как же все-таки его (или, если угодно, ее) заподозрили?

Может быть, дело было в имени?

Какое же имя выбрал себе наш кумир по такому случаю? Приходится признать, что выбор свой он сделал крайне неудачно. Ибо воспользовался именем самой, так сказать,

безответной и любимой своей героини из трактата «Исступление и растерзание». Непростительная ошибка для великого ума.

Осознав сие, начал ФМД отгонять от себя повсюду возникающие подозрения. «Уж не классик ли собственной персоной нас почтил, хотя бы даже и в женском облике?» — повсеместно начались перешептывания.

Тактику же для развеивания подозрений великий ум, опять же, выбрал для себя крайне неудачную.

Не придумал он ничего лучшего, как хаять собственные опусы изо всех сил, тем самым все больше возбуждая в людских умах обоснованные сомнения...

— Не верим, не верим! — кричали собравшиеся толпы почитателей его таланта, вызывая ФМД из его скромного временного убежища. — Докажите, сударыня, что вы — не он, иначе затребуем автографы на полном Собр. соч. в 30 томах!

Решился тогда классик бежать через черный ход, да не тут-то было — там его уже ждали особо смышленные поклонники и поклонницы.

Пришлось ФМД признаться.

— Да, я — это он, — объявил ФМД с неудовольствием, поправляя шляпку, — но автографы раздавать все равно не буду в связи с изменившимся, по понятным обстоятельствам, почерком. Впрочем, соглашаюсь на совместное селфи.

Когда все желающие, наконец, сфотографировались с великим человеком, ФМД поднял бровь, требуя воцарения тишины, и сказал:

— Дамы и господа, признаюсь, трудно было ожидать столь теплого приема... В наш жестокосердный век Искусственного Разума! Растроган я до глубины души, да-с... Но скажите, как именно узнали вы меня? Что помогло вам раскрыть тайну, столь тщательно оберегаемую?

Тут некто безымянный (скрывшийся затем в толпе бледный молодой человек с горящим взглядом) ответил за все собрание:

— Все просто, сударыня! Уникальный ваш литературный дар — он выдал вас, как шило, торчащее наружу из мешка...

19 сент. 2025

29. Низвержение госпожи Иксович

(фантастическая пьеса)

Действующие лица:

м-р Джон Комплотски, обаятельный джентльмен;

мисс Эриния — его секретарша, тоже обаятельная;

госпожа Иксович — очень пожилая женщина, немного глуховатая

1-е действие

Дж. Эта ее статья не может быть опубликована. Ни в коем случае. Поняла?

Э. Но почему, милый, почему?

Дж. Попросил один, очень такой, понимаешь ли, господин со связями. Невозможно отказать. А кроме того, косвенно задеты и мои интересы. Там кое-что *лишнее* сказано.

Э. Но ты подумал, как мы будем выглядеть? Отказать ей... Неудобно же!

Дж. Милая, неудобно штаны через голову надевать. Прояви фантазию. Я верю, что ты справишься. В первый раз, что ли? Попробуй оскорбить ее вежливо. И она сама откажется...

2-е действие *(происходит по телефону)*

Э. Госпожа Иксович, ваше интервью такое занимательное и увлекательное. Но кое-что было сюрпризом для нас. Получается, что вы — еврейка? Очень, очень приятно и неожиданно! Это действительно так?

Икс. Что — так?

Э. То, что я спросила. Еврейка вы или нет?

Икс. Для кого как. А что?

Э. Нам нужно знать, для публикации с учетом вашей самоидентификации. Принадлежите ли вы, по вашему самоощущению, к избранной нации, которой в данной ситуации положены репарации. Или не принадлежите.

Икс. Не могу вам сказать, это личное.

Э. Зря вы так. У меня, например, бой-френд полуеврей, и все об этом знают. Мы всюду ходим вместе и не скрываемся. Я же его не стесняюсь. Вы не подумайте, мы одинаково хорошо относимся к совершенно любым нациям и самым неожиданным комбинациям. Так что, не беспокойтесь.

Икс. О чем это я не должна беспокоиться? О комбинациях?

Э. Ну, как о чем? О своем еврействе, уж извините. Вы, кажется, не хотите, чтобы о нем стало известно всему свету? Напрасно. Быть евреем — это прекрасно и совершенно теперь не опасно. Или вы так не считаете? Но если попросите, мы не станем афишировать. Желание автора для нас закон. Заметём, так сказать, мусор под ковер.

Икс. Что? Какой еще мусор?!

Э. Ну, ваш же мусор. Вот вы все-таки еврейка, а не сознаетесь. Обманываете себя, а заодно и других.

Икс. Убирайтесь вон из моего телефона!

Э. *(благожелательно)* Должна вас предупредить, что наш разговор записывался.

3-е действие

Дж. М-да, милочка. Мастерство, что называется, не пропьешь. Теперь ее репутация у нас в кармане. Пусть только попробует что-нибудь вякнуть!

Э. Да не попробует она, успокойся. Все будет шито-крыто. Мы спихнем ее с пьедестала.

Дж. Но ты понимаешь, что эту запись нельзя пересказывать дословно, нужен еще какой-то, так сказать, дополнительный мазок...

Э. Я бы добавила какую-нибудь несуразность или просто глупость... Типа, она не помнит, как звали ее собственную тетю. Это будет выглядеть так мило и реалистично...

Эпилог (через 2–3 недели)

Э. Дорогой, мне только что сообщили... госпожа Икс-ович вчера умерла... Мы же не можем считать себя виноватыми? Что я ей такого сказала?

Дж. В ее возрасте смерть естественна и желанна. Мы тут абсолютно ни при чем.

Июль — октябрь 2025

30. Боль от улыбки

Хотите верьте, хотите — нет, но я уже давно поставил на себе крест. В нерелигиозном смысле. У меня, к тому же есть кошка, и ее мне более, чем достаточно в смысле личной жизни.

Хотя иногда вспоминается что-то такое, о чем лучше было бы забыть. Но оно вспоминается, хотя, надеюсь, на мне никак снаружи не отражается.

К тому же я беден, как черт собачий. Поэтому всякие левые мысли у меня сами собой пресекаются, так сказать, не родившись...

И вот однажды, представьте себе, произошло нечто такое, что чуть не перевернуло мою собачью жизнь.

Иду я из одного интересного места (потом скажу — из какого), лысина скрыта под шляпой, галстук набекрень, седая щетина на подбородке топорщится, как бурьян на пустыре... И тут со мной, представьте себе, зачем-то заговаривает молодая (относительно меня) женщина, говорит о том, о сем, а я — знай себе — интеллигентно молча киваю. Дескать, нечего мне возразить такой интересной женщине, которая лет на 30-35 моложе меня. Киваю я ей так некоторое время, как будто так и полагается.

И вдруг она, между делом, сообщает:

— Когда умер мой муж, я тоже чего-то там...

«Ух ты, — подумал я, — что бы это значило? Не может же такого быть, в самом деле? Как это прикажете понимать?»

Не могу же я ей, в самом деле, сказать, что я — как бы свободен, но у меня есть кошка, которая не потерпит... И ради которой я готов на многое... Даже очень на многое! И, следовательно, между нами все кончено, не начавшись...

Всего этого я сказать, естественно, не мог. Я же не сумасшедший, в самом деле, такое о себе рассказывать кому попало.

Поэтому я просто повернулся к этой милой женщине и понимающе и широко улыбнулся...

Она тут же резко остановилась и быстро пошла в другую сторону, что-то буркнув себе под нос. Честное слово, все именно так и было!

Вот на что способна самая обыкновенная улыбка, разразившаяся (распахнувшаяся) в нужный момент.

Хотя эта улыбка далась мне непросто и причинила физическую боль.

— Что за чушь? — подумает недоверчивый читатель. — Как это обыкновенная улыбка может причинить не нравственную, а именно физическую боль? Не верим, не верим!

А зря. Улыбка, как говорится, улыбке рознь...

Ибо возвращался я от одного хорошего человека, который за недорогую цену удалил мне четыре передних зуба. Вот так-то. Надеюсь, теперь недоверие к моему рассказу развеялось...

Прощайте, мои бедные зубы... Скоро я к вам присоединюсь...

2024–2025

31. Прохладный ветерок

До какого-то возраста (стыдно сказать, до какого) я этого не осознавал. Думал — если умирает человек, то жалко его. Вот и все. Черепов и всяческих скелетов — побаивался. Почему побаивался — сам не знаю.

Со временем до меня дошло, что если кто-то умирает, то происходит нечто таинственное. Образуется небольшая черная дыра, в которую затягивает окружающих.

Неважно, умер друг или враг, дыра образуется в любом случае. Только размер у этой дыры бывает разный, иногда — побольше, а иногда — совсем крошечный. Но затягивает, опять же, в любом случае.

Вот раньше я этого не понимал, а сейчас понимаю.

Что там, как я уже сказал, происходит что-то волшебное и таинственное. Исчезновение.

И все мы, старые люди, стоим туда в очереди, впереди остальных...

Кстати, обижать стариков (и старух) — это их туда подталкивать.

Вот нужно ли стариков (и старух) уважать за их якобы мудрость и бесценные советы, с которыми они ко всем пристают, а также за их скверный характер и шаркающую походку — этого я вам не скажу.

Хотите — уважайте, хотите — не уважайте. Поступайте, как угодно.

Главное — не подталкивайте их туда, в эту чертову дыру.

Это я вам рассказал про смерти, которые происходят вблизи.

А если вокруг все живы-здоровы, но вот где-то там, за тридевять земель, на жемчужных коралловых островах много непонятных смертей?

Тогда все вроде, как бы, ничего.

В смысле — ничего таинственного не происходит.

Они там умирают, но их не видно и не слышно. За что им большое спасибо. Вообще ничего не ощущается от ихних чужестранных коралловых смертей в любом количестве. Так что все в порядке.

Ну, разве что, веет легкий такой прохладный ветерок, тянущий оттуда.

Почти незаметный. Трупный запах не ощущается.

Вот и все, что я хотел вам рассказать про это дело.

Но скоро все переменится.

Наши с вами личности в точности скопируют на магнитные носители и загрузят, куда надо.

И вот, допустим, умрет кто-нибудь, но с ним все равно можно будет пообщаться в любое время суток. И черная дыра от его смерти не образуется, никого туда не будет затягивать — ни близких родственников, ни дальних. Ни бывших друзей, ни бывших врагов.

И со стариками тоже можно будет не церемониться.

2024–2025

32. Памятка

Каким должен быть рассказ? Задал я этот вопрос самому себе и тут же начал на него отвечать.

1. Рассказ должен быть душераздирающ. (*Почти недостижимо*)

2. Он должен занимать примерно полторы страницы. (*Достижимо*) Или даже быть еще короче. (*Тоже достижимо*)

3. Он не должен походить ни на один другой рассказ. (*Кхм*)

4. Это не должен быть рассказ о самом себе, позорно бьющий на жалость. (*Достижимо с трудом*)

5. В нем (в рассказе) все может быть выдуманно, кроме чувств. Которые нужно было реально испытать. (*То ли достижимо, то ли недостижимо. Кто его знает*)

6. Автор, если рассказ ведется от первого лица, должен выглядеть идиотом. (*Достижимо*)

7. Желательно, чтобы рассказ был о какой-то экстремальной ситуации. Но где ж ее, такую экстремальную, возьмешь? Когда жизнь автора спокойная, как вода в заросшем болоте, и постыдно благополучная...

8. Я вот, например, видел несколько экстремальных ситуаций, когда валялся в больнице. Помню одного мужика двухметрового роста, с которым мы оказались в одной палате. Он прежде работал водителем в Скорой помощи. Говорил: «Еще недавно я мог взбегать без одышки на девятый этаж!» И вот этому мужику звонит его мать, сообщает, что везет ему творожок и еще что-то вкусное (пирожки с капустой, кажется). А он ее матом посылает, просит не приезжать и бросает трубку. Потом ложится лицом в подушку и плачет. У него был рак в финальной стадии.

Еще помню (уже в другой больнице), мужик какой-то заслуженный — лауреат чего-то и директор еще чего-то. Был похож совершенно на мертвеца. Тоже рак. Он, кстати, меня

сразу возненавидел, не понимаю за что. И вот, ему сделали переливание крови, и он буквально на глазах ожил и стал похож на вурдалака. И тут у нас в палате разразилась действительно душераздирающая история, с его дочерью. Но об этом я писать не хочу, поскольку как-то это выглядит неэтично.

9. Так что, понимаете, негде скучному обывателю (вроде меня) познакомиться с жизнью, кроме как повалявшись в больницах — то в одной, то в другой. В общем, если нет у вас подходящей болезни, не теряйте времени. Обзаводитесь.

10. Конечно, в обычной жизни тоже иногда испытываешь всякие чувства, но это, знаете ли, несравнимо. Хорошо, если раз в год испытаеть какое-нибудь чувство, в связи с чем-нибудь. А то ведь, бывает, целый год проходит впустую.

11. Бывает, правда, иногда — испытываешь прямо-таки потрясение. Я вот, недавно, поставил чайник на плиту, а потом испытал такое потрясение, что забыл обо всем на свете. И про чайник в том числе. В результате чайник сгорел, и пришлось его выбросить. Но потрясение — это, к вашему сведению, все-таки не чувство. По крайней мере, я так считаю. Да, испытал я тут как-то (за короткий промежуток времени) несколько потрясений. А толку? Их ведь в рассказ не вставишь, будучи в здравом уме.

12. Можно, конечно, не писать рассказы. Сделать над собой усилие, стиснуть зубы. Порадовать родственников, друзей... Но, чтобы не сорваться, нужно это самое рассказо-писание чем-то срочно заменить. Иначе все усилия могут пойти насмарку. Чем заменить? С утра бегать трусцой и поливать кактусы на балконе. Потом пить водку. Затем смотреть телевизор до поздней ночи. А утром снова бегать трусцой...

13. Итак, я рассказал вам все, что знал. Кроме одного. самого важного. У рассказа должен быть неожиданный финал. Желательно — грустный... На этом все, мои кактусы меня ждут!

15 окт. 2025